

Ирина
Волчок

У
ПРАЙД
ОКАЯННЫХ
ФЕМИНИСТОК

Все люди – разные

Ирина Волчок

Прайд окаянных феминисток

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волчок И.

Прайд окаянных феминисток / И. Волчок — «Издательство АСТ», 2006 — (Все люди – разные)

ISBN 978-5-17-119504-5

Очень нервное дело – одинокому мужику тринадцать лет воспитывать сестру, которая младше на двадцать лет. И которая делает все для того, чтобы он так и остался либо одиноким, либо женился на той, которую она сама для него выбрала, – вот на этом чучеле в старом полосатом халате, с бумажкой, прилепленной на носу, и с охотничьим ружьем в руках, направленным ему в живот...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119504-5

© Волчок И., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Волчок

Прайд окаянных феминисток

Глава 1

Наконец-то Бэтээр впал в бешенство. А кто бы на его месте не впал? Он и так слишком долго сдерживался из последних сил. Даже аутотренингом занимался. И дыхательную гимнастику делал. Все это помогало, и даже очень хорошо помогало – как раз до того момента, когда Пулька выкидывала свой очередной фокус. Знакомые говорили: переходный возраст, тут уж ничего не поделаешь. Классная руководительница говорила: пубертатный период, необходима женская забота. Врач, к которому он, доведенный до отчаяния, однажды отволок Пульку чуть ли не за шкирку, сказал: нормальный ребенок, здоровый и умный, витамины, свежий воздух, и помягче вы с ней, помягче... Куда уж мягче-то? За всю жизнь он ее даже не шлепнул ни разу, хотя очень хотелось, и не один раз. Переходный возраст, как же! Да у нее всю жизнь переходный возраст. И насчет женской заботы эти советчики тоже пальцем в небо... Он еще семь лет назад пытался организовать Пульке женскую заботу. И пять лет назад. И два года назад. И все эти попытки заканчивались паническим бегством потенциальных жен от откровенной Пулькиной враждебности, от ее злоехидных вопросов и бесцеремонных комментариев. Ну, и от него, естественно. Он всю жизнь прячет от нее своих подружек. Это что – жизнь?! До того дошло, что в последнее время и прятать некого. Ей никто из его подружек не нравился. Все они, видите ли, крашенные дуры, вонючие обезьяны и визгливые свиньи. И это еще не самые резкие характеристики, которые эта мелкая пакостница выдавала не задумываясь. Даже в школе у нее не было подруг... ну, почти не было. Только Тоська и Нюська, но эти не считаются, эти – точные копии Пульки, надменные кошки... котятка, гуляющие сами по себе. Даже удивительно, как, при их-то надменности и самодостаточности, эти котятка все-таки сбились в один прайд.

Кому из них позвонить-то? Наверное, Тоське, она все-таки самая вежливая из всего этого прайда.

– Да! – нетерпеливо сказала трубка Тоськиным голосом с Пулькиной интонацией.

– Привет, Тонь, это брат Полины... Узнала?

– Да, – еще нетерпеливее сказала Тоська. – Коротко и по делу. Мне некогда.

Некогда ей! Занята она! Интересно, чем это таким срочным могут быть заняты четырнадцатилетние бездельницы посреди летних каникул?! Бэтээр с трудом задавил в себе новый приступ бешенства и как можно спокойнее сказал:

– Полина оставила записку, что поехала к тете Наташе, а адрес я забыл. Она мне срочно нужна.

– Тетя Наташа? – ехидно спросила Тоська. Абсолютно Пулькина интонация.

– Нет, Полина, – обреченно ответил он. Собрать бы их всех вместе и выпороть. – Мне адрес тети Наташи нужен. Ты не знаешь?

– Мужики, – презрительно буркнула Тоська. – Мрак. Адрес прямо перед тобой. Под серой ветровкой. Склероз дремучий.

И повесила трубку.

Бэтээр осторожно положил трубку, борясь со жгучим желанием грохнуть ею об пол, долго смотрел на серую Пулькину ветровку на вешалке прямо над телефоном, потом представил, что эта ветровка как раз сейчас на Пульке, и не выдержал, со всего размаху вlepил ладонью по ветровке – по тому месту, где была бы Пулькина задница, если бы ветровка была на ней... Настоящего удара не получилось – скользкая невесомая ткань шарахнулась от его руки, как от ветра, а потом не спеша вернулась на место, насмешливо виляя хвостом. Бэтээр погрозил

куртке кулаком, дождался, когда она перестанет вилять, и осторожно отодвинул ее в сторону. Под курткой на обоях был действительно записан адрес: «Выселки, Гагарина, 12». А под адресом крупно: «ЛЮБОВЬ!» Ничего себе, а? Это что ж там за тетя Наташа такая? А может, там не только тетя Наташа? Может, у этой тети Наташи сынок какой-нибудь? Какой-нибудь распущенный безбашенный юнец... Или вовсе никакой тети Наташи в природе не существует, и по этому адресу – целая толпа распущенных безбашенных юнцов? В пубертатном периоде!

Бэтээр в ужасе схватился за телефон, чтобы немедленно звонить Тоське и вытрясать из нее всю правду, – пусть хамит, ничего, главное – сейчас инфаркт какой-нибудь не заработать, а потом он с ними со всеми разберется, сколько можно терпеть, в самом деле... Телефон под его рукой противно заблеял частыми междугородными звонками. Мать. Вот только этого и не хватало для полноты жизни.

– Тимур! – крикнула мать трагическим шепотом, не поздоровавшись. – Николай Иванович умер!

– Как – опять?! – неприятно поразился Бэтээр.

– Что значит – опять?! – возмутилась мать. Ничего трагического в ее голосе уже не было. – Николай Иванович раньше не умирал! Николай Иванович в первый раз умер!

– Да-да, конечно, – торопливо откликнулся он, перерисовывая фломастером адрес с обоев на запыстье. – Я имел в виду, что тебе опять не повезло... Что с ним случилось-то? Тебе какая-нибудь помощь нужна?

– Кто мне теперь поможет? – опять с трагическим выражением прошептала мать. – Ты вряд ли поймешь меня... Одиночество – это так страшно!..

– Нет, почему, я понимаю, – соврал он.

Никогда он ее не понимал. Когда-то, правда, пытался... Но очень скоро и пытаться перестал. Его мать была неземным созданием. Земные создания по определению ее понять не могли.

– А когда он умер-то? – спросил Бэтээр, послушав трагический шепот матери и какой-то мужской голос, повторяющий с ласковой укоризной: «Инночка, не волнуйся, тебе вредно... Подумай о своих нервах... Подумай о моем сердце... Нельзя так, Инночка...»

Следующий кандидат в покойники, что ли? Вот бедалага...

– Николай Иванович умер две недели назад, – торжественно сказала мать. – Ровно две недели я совершенно одна! Как это тяжело, ты не представляешь!

Голос за кадром заволновался: «Инночка! Выпей капельки!»

– Сочувствую, – серьезно откликнулся Бэтээр, поглядывая на часы. – Тебе деньги нужны?

– Что такое деньги? – возмутилась мать. – Разве все деньги мира способны вернуть жизнь одному человеку?.. Хотя, конечно, сейчас я осталась абсолютно ни с чем! И наследство можно получить только через полгода! Ты не представляешь, как это тяжело!..

– Я тебе завтра вышлю, – пообещал Бэтээр. – Сегодня уже не успею, мне за Пулькой еще ехать. Сбежала...

– Почему она сбежала? Может быть, ты с ней плохо обращаешься? Ты ее наказываешь? Ругаешь? Тимур, я тебя умоляю, будь с ней поласковее! Маленьким детям нужна ласка. И нежность, и забота, и любовь... Тогда они расцветают, как цветы под дождем...

Он хотел поправить: под солнцем, а не под дождем. А потом подумал: может, на той планете, откуда свалилось это неземное создание, цветы расцветают именно под дождем. Под золотым дождем, например. Яркие, махровые, неземные цветы расцветают под золотым дождем, раскрывают алые рты... то есть лепестки, конечно, ловят ими золотой дождь и трагически шепчут: «Как это тяжело!»

Одна польза от разговора с матерью – его бешенство исчезло. Почти. Правда, прибавилось раздражения, но это пусть, это его привычное состояние, если дело касается Пульки. Ну,

ничего. Он как-нибудь справится. До сих пор справлялся же... Все-таки какое счастье, что все эти годы рядом не было матери! С двумя он бы точно не справился, даже с помощью тети Вари.

И все время, пока бегал к Ваське за ключами от гаража, и пока выводил их новый представительский джип, потому что после утреннего ливня по этим Выселкам ни на чем другом не пролезешь, и пока заезжал на заправку, и потом, уже крутясь по узким глинистым переулкам, раскисшим до центра Земли, Бэтээр думал о том, что им с Пулькой, что ни говори, действительно повезло – рядом была тетя Варя, а матери рядом не было.

Бэтээр не любил мать. Не в том смысле, что относился плохо, ненавидел, презирал или еще какие-нибудь глупости... Нет, плохо не относился. Никак не относился. В общем, не любил.

А когда бы он ее смог полюбить? Его отец, первый муж матери, умер, когда Бэтээру было три года. Он совсем не помнил отца. И мать почти сразу забыл, потому что она очень быстро опять вышла замуж и куда-то уехала, оставив его с тетей Варей. Тетя Варя была вообще-то не тетей ему, да и его матери тоже... Тетя Варя была, кажется, двоюродной сестрой его бабушки, просто так получилось, что она всегда жила в семье, вот и считалась тетей. Больше в семье никого в живых не осталось, так что мать отдала его тете Варе. Они с тетей Варей очень хорошо жили вдвоем несколько лет, а потом вдруг приехала мать – одна, потому что ее второй муж тоже умер, – пожила с ними немножко, и Бэтээр стал даже привыкать к ней, но она опять вышла замуж и стала жить в квартире мужа, потому что там не было никаких детей, никаких теток, никаких кошек, – вообще никого не было, кроме ее нового мужа, но он под ногами не путался. К ним с тетей Варей она никогда не приходила, и даже почти никогда не звонила, только перед тем, как он ушел в армию, пришла и сказала, что пока поживет с тетей Варей, потому что скоро родит ему братика или сестричку, а с маленьким ребенком разве можно справиться одной? Совершенно невозможно. А у тети Вари все-таки есть какой-никакой опыт ухода за детьми, вот она и поможет, а то что ей одной в четырех стенах скучать? Когда он ушел в армию, мать переехала к тете Варе, и муж ее тоже переехал – наверное, ему тоже не хотелось в четырех стенах одному скучать.

Но когда Бэтээр вернулся из армии, в квартире уже не было ни матери, ни ее мужа, а были тетя Варя – слава богу! – и его полуторагодовая сестра Полина, которая уже всю ходила и всю говорила.

– Ты кто? – строго спросила она, внимательно разглядывая его с ног до головы.

– Тимур, – сказал он. – Твой брат.

– Б-р-т-р-р, – старательно повторила она.

– А ты кто? – Тимуру очень понравилась его сестра, и он хотел с ней как следует познакомиться.

– Пулька, – важно сказала она, похлопала себя растопыренной пятерней по пузу и деловито полезла к нему на руки. – Покатай. На шее.

С тех пор он и стал навсегда Бэтээром, а она – Пулькой, и стоило ему чуть зазеваться – она тут же садилась ему на шею. Тетя Варя говорила, что он сам ее балует. А кого еще ему баловать-то было? И сама тетя Варя Пульку баловала, ей тоже больше некого было баловать.

А мать похоронила своего третьего мужа, Пулькиного отца, продала его квартиру и уехала, а месяца через три позвонила и сказала, что вышла замуж, у нее вот такой новый адрес и вот такая новая фамилия. Всех фамилий матери Бэтээр не помнил, знал только, что в девичестве она была Авдеева, а потом Борисова, а еще потом, через какое-то промежуточное замужество, – Волкова, потому что он был Борисов, а Пулька – Волкова. А все остальные фамилии матери менялись слишком часто, и вообще дело не стоило того, чтобы их запоминать, тем более что никакого отношения они к жизни тети Вари, Бэтээра и Пульки не имели. Слава богу.

Только бы мать не надумала вернуться. Если бы тетя Варя была жива, он бы не так боялся. Тетя Варя всю жизнь была опорой мироздания и его личной каменной стеной. Тетю Варю мать

почему-то опасалась... Сейчас ей опасаться некого, сейчас может, чего доброго, и вернуться... Как будто ему с Пулькой проблем мало.

Ага, вот он, номер двенадцать. Старенький совсем. Развалюха. Окошечки крошечные и почти у самой земли. Дверь низенькая, крылечко узенькое, ступенечки черненькие, досочки, наверное, гниленькие... Убожество убогое. Чего это Пульке здесь как медом намазано? Не иначе – колдунья эта ее тетя Наташа. Старая ведьма, которая привораживает детей затем, чтобы, например... Ой, нет. Зачем старые ведьмы могут привораживать детей – об этом думать совсем не хотелось. И так он уже старается ни газет не читать, ни телевизор не смотреть. Хоть бы уж с Пулькой все в порядке было... А то ведь убьет он эту старую ведьму, ей-богу убьет...

Бэтээр выскочил из машины, торопливо обогнул ее, широко зашагал к перекошенной калитке в просевшем под тяжестью лопухов заборе, решительно взялся за трухлявые досочки...

– Стоять, – зловеще сказали откуда-то не от дома, а вроде бы справа.

И недвусмысленно лязгнул металл. Совершенно недвусмысленно – что, он звуков таких не слышал, что ли? У него тоже есть охотничье ружье. Кажется, здесь все гораздо серьезней, чем он думал...

Бэтээр осторожно повел глазами вправо, быстро оглядел небольшой огород, заросший до невозможности, две старые яблони посреди огорода, плотный куст диких роз... Никого там не было, и спрятаться, в общем-то, негде было. Разве только за этими розами...

– Руки, – сказал тот же голос.

Бэтээр оторвал ладони от трухлявых досочек калитки, слегка поднял руки и даже развел их в стороны: что, мол, такое? Я не вражеский лазутчик, я тут просто так гуляю, извините, если помешал... А сам лихорадочно придумывал, как вызволить Пульку из этого притона бандитского. Ему бы только вызволить ее, а потом уж он так ее отлупит... Отведет душу и за все прежние нервытрепки, и за сегодняшней свой черный ужас... Только бы вызволить ее, дуру пубертатную.

Из-за розового куста вышло чучело с ружьем наперевес. Чучело было в линялом поло-сатом халате, в белой косынке, в черных очках и с бумажкой на носу. Ружье чучело держало слегка небрежно, но очень профессионально. Очень, очень профессионально. И целилось ему в живот.

– Погодь, Талька, не пуляй! – закричал тонкий веселый голос из-за спины чучела, от забора, отделяющего соседний участок. – Погодь, я счас Михалыча позову... Михалыч! Иди скорей, Талька счас опять кого-то застрелит!

– Анастасия Сергеевна, не мешайте, – сквозь зубы сказала чучело по имени Талька.

– Не, мы не мешаем, мы тока поглядим чуток... – приговаривала старенькая Анастасия Сергеевна, деловито устраиваясь на табуретке по ту сторону соседского забора. – Михалыч, ну что ж ты такой медленный? Становь свою стулу вот туточки, отседова хорошо видать. Давай, Талька, пуляй, мы готовые...

Они и правда приготовились – два старых мухомора, мухомор со своей мухоморшей, – устроились с удобством, уставились с веселым интересом, ждут, когда его будут расстреливать. Слышал он о криминальной обстановке на этих Выселках, но чтоб до такой степени...

– Она что, правда выстрелить может? – недоверчиво спросил Бэтээр у этих зрителей.

Старый мухомор снисходительно усмехнулся, а старушка – безбожный одуванчик гордо сказала:

– А как же! Талька может! Ишшо ни разу не промазывала... Она у нас мастер спорта по этому делу.

– Бред, – сердито буркнул Бэтээр. – Дичь какая-то. Средь бела дня, при свидетелях... Бред.

Ружье все так же смотрело ему в живот, и рука у чучела по имени Талька ни разу не дрогнула, и старые мухоморы ожидали выстрела в полной уверенности, что дождутся, – но Бэтээр почему-то перестал бояться. В бандитском гнезде так не бывает. Уж очень все... нереально. Театр. И Пульке скорей всего здесь ничего особо страшного не угрожает. Он до такой степени успокоился, что отвел глаза от чучела с ружьем и опять взялся за калитку.

– Та к ты, подонок, своему быку не поверил, значит? – холодно спросило чучело и шелкнуло курком. – Или он тебе ничего не передал? Руки!

Бэтээр опять оторвал ладони от калитки и даже сделал шаг назад.

– Ниже бери, – со знанием дела посоветовала мухоморша от забора. – Слышь, Талька? Ниже, говорю, бери. А то давеча в черного стрельнула, а у него бронежилетка. Тока матерьял порвался...

– Может, вы меня с кем-то путаете? – с надеждой предположил Бэтээр. – Мне никакой бык ничего не передавал. У меня вообще никакого быка нет, и не знаю я никаких быков... Я вообще-то девочку ишу, а то уехала, не сказала ничего – и думай что хочешь...

– Тварь, – спокойно сказала чучело. – Падаль. Я твоему быку сказала: девочку – через мой труп. Но сначала я тебя положу. И пару-тройку твоих быков.

Сейчас она выстрелит, – понял Бэтээр. В живот. Сумасшедшая. Господи помилуй, что же с Пулькой?

– Теть Наташ, не стреляйте! – заорала Пулька, выскакивая из дверей развалюхи и бегом бросаясь к калитке. – Это не Любочкин отец!

– Пулька, стой! Ложись! – закричал Бэтээр.

– Полина, назад! – закричало чучело.

– Это не он! – Пулька повернула на бегу и теперь скакала прямо под прицелом. – Это не ее отец!

– А чей? – подозрительно спросило чучело и подняло ствол ружья к небу.

– Ничей! – Пулька уцепилась за чучело, поволокла его к калитке, смеясь и приговаривая: – Вы его не бойтесь! Это не он! Он хороший! Пойдемте, я вас познакомлю! Это Бэтээр!

– Я вижу, что не подводная лодка, – сердито сказала чучело. – Мне кто-нибудь объяснит, что все это значит?

– Это че ж, не будешь нынче пулять? Слышь, Талька? – разочарованно спросила мухоморша. – Или пока не убирать стулы-то? Может, еще приедет, который нужный?

– Не убирайте, бабушка Настя, – подумав, посоветовала Пулька. – Может, еще и приедет.

Все, Бэтээру это уже сильно надоело. Что эти Выселки – просто диаспора буйнопомешанных, – это он уже понял. Но это их личное шизофреничное дело. А вот что его Пульку они хотят свести с ума – это уже касается его. Бэтээр толкнул эту чертову калитку, но она так медленно открывалась, цепляясь всеми своими перекошенными досочками за земляные кочки и мощные сорняки, что он не выдержал, не дождался, когда она наконец откроется, перемахнул через нее и решительно шагнул навстречу Пульке, которая тащила за руку чучело с ружьем. Чучело по имени Талька. Тетя Наташа. Ведьма, которая зачем-то привораживает детей, а сама сидит за розовым кустом в засаде и стреляет по родственникам, которые за этими детьми приехали.

– Немедленно домой, – сдерживая бешенство, сказал Бэтээр Пульке. – Что ты делаешь, а? С утра уехала! У меня работы – во! А я тебя искать должен! У тебя совесть есть?

– Не ори, – посоветовала наглая Пулька. – Привык орать на ребенка... Тетя Наташа, это мой брат Бэтээр.

– Почему Бэтээр? – растерялась эта тетя Наташа. – Это имя такое? Извините...

– Ну да, только сокращенное, – объяснила Пулька. – Борисов Тимур Романович. Бэ-Тэ-ЭР. Правда, здорово? Бэтээр, это тетя Наташа.

Пулька вдруг принялась бесцеремонно стаскивать с этой тети Наташи косынку, очки, отобрала и отдала Бэтэру ружье: «Подержи», – и принялась было расстегивать пуговицы линялого полосатого халата, но тут эта тетя Наташа опомнилась, стала отбрыкиваться, запахивать полы халата, отбирать у Пульки косынку... При этом покраснела как маков цвет. Эта тетя Наташа лет на десять, наверное, моложе Бэтэра. А все эти надменные котятка, Пулькины подружки, моложе его лет на двадцать. И хоть бы одна хоть бы раз в жизни назвала его дядей Бэтэром... то есть дядей Тимуром, конечно. А эта тетя Наташа суежилась, застегивая пуговицы, отворачивалась от него и приговаривала почти паническим голосом:

– Полина, ну что ты как маленькая... Как тебе не стыдно... Отдай очки... Отдай ружье... Где ружье? Бэтэ... то есть Тимур Романович, давайте ружье, оно тяжелое... Вы меня простите, я вас действительно за другого приняла. Чуть не выстрелила. Ой, как неудобно... И обругала ни за что... Полина, отдай платок... А, вот он. Ф-ф-фу, извините ради бога, сегодня я весь день злая, даже самой противно, а успокоиться никак не могу, все этого подонка жду... Пойдемте в дом?

И это она только что чуть не выстрелила в него из охотничьего ружья? И это она, судя по реакции старых мухоморов, уже стреляла в кого-то еще? Причем – ни разу не промазала. И это она, судя по ее словам, собирается еще в кого-то стрелять?

– Тетя Наташа, чего ментам делать? – заорал со стороны развалюхи веселый голос.

Чучело... то есть эта тетя Наташа оглянулась на дом, и Бэтэр оглянулся – из-за угла выскочила девчонка лет пятнадцати-шестнадцати, не поймешь их нынче, все крупные, здоровые, взрослые, а повадка щенячья. Девчонка прыгала, размахивала руками, мотала длинной и толстой белой косой... Переживала. Да нет, лет двенадцать-тринадцать, наверное, Пулькина ровесница, только крупная очень.

– Ментам пока отбой, – сказала эта тетя Наташа.

И сказала вроде негромко, и до девчонки с косой было вроде не близко, но та как-то услышала, поняла, энергично закивала головой и исчезла за углом развалюхи.

– Тетя Наташа, куда близнецам теперь? – заорал тот же самый голос совсем с другой стороны, от дома через улицу.

Бэтэр оглянулся – у дома на противоположной стороне улицы прыгала, размахивала руками и мотала косой та же самая девчонка.

– Близнецы пусть покараулят еще, – опять негромко сказала тетя Наташа, и опять девчонка ее поняла, и опять закивала, и исчезла в зарослях сирени у забора.

– Тетя Наташа, можно, я с вами побуду? Немножко... – совсем тихо сказал голос прямо за спиной Бэтэра.

Он оглянулся, ожидая увидеть все ту же прыгучую девчонку с косой, но девчонки за спиной не было, вообще никого не было, а вот это было уже гораздо более странным, чем все, что происходило здесь до сих пор.

– Конечно, Любочка, – ласково сказала тетя Наташа и заулыбалась, глядя мимо Бэтэра, и даже руки протянула зовущим и ожидающим жестом. – Иди сюда. Не бойся, дядя Бэтэ... дядя Тимур с нами, он очень хороший, смотри, какой он сильный, он тебя в обиду никому не даст, он очень смелый и добрый...

Бэтэр ошеломленно уставился на эту тетю Наташу, совершенно не понимая, перед кем она раскрывает его светлый образ, а главное – когда это она успела так хорошо его изучить. И Пулька, которая все время вилась вокруг тети Наташи, сейчас тоже смотрела мимо него, сияла, кивала, наконец уцепилась за его руку и гордо сказала:

– Это мой брат. Бэтэр. Кого хочешь уроет. Одной левой.

Ага, понял Бэтэр, это она характеристику, которую дала ему тетя Наташа, так дополняет. Он опять оглянулся на то место, куда смотрели Пулька и тетя Наташа. Ничего там не было – клумба и клумба, и цветы не очень высокие, самое большее – ему по колено, правда, шапки

соцветий плотные, сидят густо, даже местами перекрывают друг друга. Но все равно – в этой клумбе никто, кроме кошки, не сможет спрятаться...

И вдруг клумба шевельнулась, стала расти посередине, и среди цветов возникла девочка. Совсем маленькая, прямо Дюймовочка. На голове Дюймовочки сидел огромный веночек из тех же плотных соцветий. Дюймовочка осторожно вышла из клумбы, остановилась перед Бэтээром, задрала голову и пристально уставилась ему в глаза. Лицо, руки и ноги у Дюймовочки были сплошь покрыты страшными синяками, уже желтеющими по краям. Господи помилуй, да что ж это с ребенком произошло?!

– Любовь, – серьезно сказала Дюймовочка и протянула Бэтээру тощенькую ручку. – Фамилии у меня нет. Я одинокая.

Он осторожно взял ее ручку в свою ладонь, присел на корточки и так же серьезно представился:

– Бэтээр. Или Тимур. Или дядя Тимур. В общем, зови меня как хочешь. У меня имен – как собак нерезаных. И фамилия есть. Но разве в этом дело? Я тоже практически одинокий.

– Ну вот еще, – недовольно сказала за его спиной Пулька. – А я? У тебя я есть!

Он хотел ответить что-нибудь в том смысле, что в свете ее последних выходов с этим утверждением можно очень даже поспорить, но одинокая Любовь опередила его. Она как-то очень по-взрослому, снисходительно и понимающе улыбнулась едва заметно, качнула своим монументальным венком и ответила вместо него:

– Это совсем другое дело. У меня тоже всех много есть. И тетя Наташа, и ты, и Вера-Надя, и бабушка Настя... Это совсем другое дело.

– Тебе сколько лет, одинокая Любовь? – Бэтээр с изумлением смотрел на эту молекулу, которая оказалась средоточием всей мудрости мира. Кажется, за последние полчаса он неизумлялся на полжизни вперед.

– Скоро будет шесть лет, – с тихой гордостью сказала одинокая Любовь. Подумала и добавила спокойно: – Если доживу, конечно.

– Любочка, иди ко мне, – ласково позвала тетя Наташа. – Что мы все какие-то глупости говорим и говорим. Пора гостя чаем поить, а то что человек о нас подумает?

– Бэтээр плохо не подумает, – сказала одинокая Любовь, поулыбалась Бэтээру взрослой понимающей улыбкой и понесла свой веночек мимо него к тете Наташе. – Тетя Наташа, меня не надо на руках носить. Сегодня у меня ничего не болит, честное слово, я не обманываю.

Наверное, все-таки обманывала. Шла она медленно и осторожно, но все-таки заметно прихрамывала. Бэтээр заметил, как эта тетя Наташа смотрит на Любочку, а она заметила, что он заметил, нахмурилась, беспокойно шевельнулась, повертела головой, оглядываясь, и, по обыкновению, не очень громко сказала:

– Вера-Надя, давайте-ка сюда. У нас гость.

– Иду! – крикнула девчонка с косой из-за дома, вывернулась из-за угла и поскакала к ним.

– Иду! – крикнула та же девчонка с другой стороны улицы, вынырнула из зарослей сирени и тоже поскакала к ним.

Подбежали обе одновременно, встали рядом за спиной тети Наташи, уставились на Бэтээра веселыми светлыми глазами, явно ожидая его изумления или чего-нибудь в этом роде и заранее гордясь впечатлением, которое сейчас на него произведут. Нет уж, хватит на сегодня впечатлений, не будет он изумляться. Просто близнецы, никакой мистики. Хотя вообще-то не просто близнецы. До такой степени близнецы, что даже коленки у них одинаково сбиты – у каждой на левой коленке ссадина, замазанная зеленкой. Абсолютно одинаковые ссадины, и абсолютно одинаково замазаны. Близнецы заметили его взгляд, решили, что все-таки произвели впечатление, и рассиялись торжествующими улыбками. Что, конечно, уже было явным перебором – левый резец у каждой был чуточку сколот сбоку. Совсем небольшие сколы, но

совершенно одинаковые. Ладно, убедили, – молча согласился Бэтээр. Произвели впечатление, ладно. Если, конечно, это у него просто в глазах не двойится.

– Справа от меня Вера, слева – Надя, – сказала тетя Наташа не оглядываясь. – Мои племянницы. Девочки, это Тимур Романович.

Племянницы переглянулись, хитро ухмыльнулись, быстро покружились за ее спиной, несколько раз поменявшись местами, и опять замерли, тарашась на Бэтэера весело и ожидающе. Если они действительно поменялись местами, то, на взгляд Бэтэера, все равно ничего не изменилось.

– Ничего не изменилось, – вслух подтвердила его впечатление тетя Наташа, так и не оглянувшись. – Справа – Вера, слева – Надя. Все время пытаются меня с толку сбить... Вера-Надя, принесите воды и поставьте чайник. Полина, вытри большой стол как следует и постели клетчатую скатерть. Вынь синенький сервиз... Любочка, ты не поможешь Полине чашки расставить? У тебя это особенно красиво получается...

– Нет! – торопливо сказал Бэтээр. – Какой чай? И так полдня потерял! У меня сегодня работа срочная, а я разыскивать должен эту... Полину должен разыскивать! До инфаркта доведет, ей-богу... Сколько там?.. Четвертый час уже! А? Что я должен думать?

– Зачем тебе думать? – тут же склочным голосом заорала Пулька. – Я тебе русским языком написала: поехала к тете Наташе! Буду в десять тридцать! Чего это сразу до инфаркта?! Меня менты обещали подбросить!

– В десять тридцать! – тоже заорал Бэтээр. – А сейчас уже сколько?! Я там с ума схожу! Откуда я знаю, где ты шастаешь?! В пубертатном возрасте!

– Сам ты в возрасте! – совсем взвилась Пулька. – Старый склеротик! Я тебе русским языком!..

– Пулька, я тебя все-таки выпорю, – с тихой яростью пообещал Бэтээр. – Ремнем. У меня солдатский ремень еще сохранился. Выпорю, Пулька.

Он замолчал, глубоко вздохнул и помотал головой. Ну никаких нервов же не хватит. Правда выпороть, что ли?

Кто-то подергал за штанину. Он глянул вниз – одинокая Любовь стояла, запрокинув голову в своем невероятном венке, и внимательно смотрела снизу ему в лицо.

– Бэтээр, это неправда, – снисходительно сказала она и понимающе улыбнулась. – Ты Полю не выпорешь.

– Откуда ты знаешь?..

Он вдруг страшно смутился, только сейчас сообразив, что свидетелями их с Пулькой очередной склоки стали посторонние люди. Тетя Наташа эта и дети. Дети! Господи, стыдно-то как... А все из-за Пульки, морды бессовестной, вон, хоть бы вид сделала, что осознает, так нет – хоть бы хны, стоит себе спокойненько, как будто так и надо... Впрочем, и Вера-Надя, и эта их тетя Наташа стоят себе спокойненько, посматривают с интересом, слушают внимательно... Как будто так и надо.

– Полина, когда ты обещала вернуться домой? – вдруг спросила тетя Наташа.

– В десять тридцать! – с готовностью отрапортовала Пулька. – Я так и написала! Я бы устно сказала, но он еще до восьми смылся! Даже не разбудил! Я чуть не проспала!

– К делу не относится, – спокойно заметила тетя Наташа, и Пулька тут же заткнулась, с ожиданием глядя на нее. – А теперь, Полина, скажи мне, пожалуйста, который час. Только очень точно.

Пулька глянула на часы, которые Бэтээр подарил ей в честь успешного окончания седьмого класса, похмурилась, пошевелила губами и сказала:

– Двадцать минут четвертого... это значит – пятнадцать двадцать. Правильно?

– Правильно, – ласково согласилась тетя Наташа. – Молодец. Можешь посчитать, сколько часов прошло с десяти тридцати?

– Ой, – испугалась Пулька. – Я же нечаянно! Я же не написала, что вечера! Бэтээр, миленький, прости меня, пожалуйста! Я идиотка! А ты волновался! Братик, ну если хочешь – выпори меня... Может, тебе полегче станет! Я потерплю, ты не бойся!

Бэтээр просто не поверил своим ушам. Просто не поверил. Это не Пулька говорит. Сроду она ничего такого не говорила. Она просто по определению не могла ничего такого сказать. Она и слов-то таких не знает... Он подозрительно присмотрелся – может быть, кино показывает? Не хватало еще, чтобы ее тут всяким таким бабским штучкам научили! Да нет, не похоже, чтобы кино... Похоже, действительно переживает, сильно, чуть не до слез, и покраснела вся, как рак вареный. И Вера-Надя переживают, тарашатся на нее с сочувствием, а на него поглядывают смущенно и виновато, будто это они время перепутали... И тетя Наташа, хоть и делает вид, что вся такая спокойная и строгая, а губу все-таки закусила, и брови над черными очками страдальчески дрогнули. Только одинокая Любовь стоит спокойно, держится за его штанину и смотрит на всех снисходительно и понимающе. Постояла, посмотрела, вздохнула и бормотнула себе под нос:

– Ну, что ж теперь... Ошиблась и ошиблась.

– Ну, что ж теперь, ошиблась и ошиблась, – повторил Бэтээр, стараясь не смотреть на Пульку, до того ему жалко ее было. Но для сохранения лица все-таки добавил: – Хотя в десять тридцать вечера – это тоже ничего хорошего. Что за дела – по ночам шастать... И район беспокойный. Детям опасно по ночам...

И с упреком глянул на эту тетю Наташу, которая сама приваживает чужих детей, а сама об их безопасности и думать не думает. Да еще когда вокруг такая криминогенная обстановка, что приходится с ружьем ходить... Вернее, в розовом кусте сидеть.

Тетя Наташа, наверное, поняла его взгляд, кивнула и ответила на невысказанные претензии:

– Действительно, домой надо раньше приходиться, Я не знала, что Полина так запланировала... Но вообще-то ничего опасного, если ее обещали довести менты... э-э-э... то есть омоновцы. Тут у нас они рядом живут, мы друзья. Они нам часто помогают, с ними мы в безопасности.

Ага, подумал Бэтээр, то-то она ружье из рук не выпускает.

Тетя Наташа опять угадала его мысли, вздохнула, сняла с плеча свое ружье, переломила стволы, вынула патроны, сунула их в карман халата, а ружье отдала Вере. Или Наде. И напонила вполголоса:

– Мы ведь собирались чай пить. Да? Задания всем ясны? Выполняйте.

Девочки облегченно курлыкнули, Надя – или Вера – подхватила на руки одинокую Любовь, и все стайкой понеслись к дому.

– Какой чай? Я ж говорил... – начал было Бэтээр.

Но тетя Наташа повернулась, пошла к розовому кусту, на ходу оглянулась и поманила его рукой:

– Пойдемте. Наверное, нам все-таки надо поговорить. Я же вижу – вы ничего не понимаете. Ведь у вас есть вопросы, правда?

И он пошел за ней. Потому что поговорить и в самом деле надо бы. Бэтээр действительно ничего не понимал, а он не любил ничего не понимать. И вопросов за последние полчаса у него накопилось столько, что он и не знал, с какого начать. Хотя ехал сюда только с одним вопросом: какого черта Пулька чуть не каждый день вот уже почти месяц таскается к этой тете Наташе? Совершенно дома не бывает! А каждый вечер болтает по телефону с Тоськой или Нюськой по часу, и все – об этой тете Наташе! Не то чтобы он был категорически против, но в чем дело-то? Вот пусть для начала и ответит, зачем она его Пульку привораживает.

Розовый куст был не один, это были настоящие розовые заросли, а в середине зарослей – аккуратная полянка, на которой уютно расположились старый деревянный диван с высокой

спинкой и новый зеленый пластиковый столик перед ним. Напротив дивана, прямо над столиком, листва в розовых зарослях была аккуратно выстрижена, и в этом окошке открывался вид как раз на калитку и часть улицы перед ней. Амбразура.

– Как вас зовут? – спросил Бэтээр, сообразив, что не знает, как к ней обращаться. Ведь не будет же он называть ее тетей Наташей, в самом-то деле...

– Тетя Наташа, – сказала она, смутилась, покраснела как маков цвет и засмеялась. – Тьфу ты, вот въелось... Извините, я сразу не сообразила, что надо представиться... Психовала очень. Извините. Наталья Владимировна Лунина. Я работаю воспитательницей в детском саду...

– Кем? – поразился Бэтээр. – Где? В детском саду?! А в свободное время в засаде с ружьем сидите?! И в людей стреляете!

– Приходится, – спокойно сказала эта детсадовская воспитательница, устраиваясь на диване за столом и привычно поглядывая в амбразуру между ветвей. – В засаде сижу, да... Что ж поделаешь, приходится. А в людей я не стреляю, что вы! Я в подонков стреляю. Это разве люди? Да вы садитесь, здесь чисто и удобно...

Бэтээр огляделся, зачем-то потрогал стол, заглянул в амбразуру, сел на теплый, нагретый солнцем диван и осторожно спросил:

– Я так понял, что вы ждали Любочкиного отца? С ружьем... Он что – не человек?

– Нет, конечно, – откровенно удивилась она. – Вы ведь Любочку видели. Скажите, человек может такое с ребенком сделать?

Глава 2

Наталье понравился брат Полины. Бэтээр. Надо же такое придумать. Забавно. И ему очень идет. Он вообще весь забавный, как обычно бывают ненамеренно забавными очень открытые и добрые люди, которые не стараются все время произвести на окружающих хорошее впечатление, поэтому хорошее впечатление и производят. Только нервный немножко. Но это понятно, это он о Полине беспокоится. Но даже когда орал, что выпорет, – все равно забавно было. Орет, кулаками размахивает, глаза тарашит, волосы дыбом, – а сам боится, что ему не поверят. Потому что сам себе не верит. А что орет – так это Полина сама виновата. По всей видимости, Полина всегда первая орать начинает. Разве так с мужиками можно? Ну, объясни ты ему лишний раз. Что, язык у тебя отсохнет? Объясни, разложи по полочкам, дай всему названия и наклей ярлычки. И тогда он успокоится. А если ты еще при этом догадаешься составить каталог с четкими и ясными указаниями, где что лежит, как называется и для чего предназначено, – он вообще решит, что сам до всего дошел, и будет гордиться, какой он проницательный. Ведь сколько раз Наталья говорила Полине: терпение, терпение и еще раз терпение! Та к нет, как об стенку горох. Все дело в том, что она привыкла воспринимать брата как существо одной с ней породы. Ну да, фактически он же один ее вырастил, эта их тетя Варя умерла, когда Полине восемь лет было, и конечно, мало чему успела девочку научить. Но мальчишка, похоже, учила всему правильно. Хороший вырос мальчик, работающий, ответственный, сестру любит до самозабвения. И кажется, по-настоящему добрый человек. Не зря же Любочка почти сразу обнаружилась и сама знакомиться к нему подошла. За все время, которое Наталья знала Любочку, та ни разу не захотела знакомиться ни с одним из мужиков, даже к Степану Михайловичу, который добрей, щедрей и ласковей самого Деда Мороза, – и то неделю издалека приглядывалась да принималась. А к этому Бэтээру – сама, сразу, да еще как раз в то время, когда он злился изо всех сил! Это показатель. Любочка у нас – безошибочный индикатор, тут уж сомнений быть не может никаких.

И еще этот Бэтээр умеет слушать. И слышать. И правильно понимать услышанное. Это в мужиках качество до того редкое, что в принципе можно сказать – вообще не бывает. То есть такие, которые вроде бы слушают и даже иногда что-то слышат, еще встречаются... Но лучше бы и не встречались. Потому что, слушая и слыша, они ведь что-то и запоминают. А потом все это перевирают, переиначивают, выворачивают наизнанку и используют против тебя. И потом уже никто и никогда не сможет им объяснить, что слушают они не собеседника, а свой внутренний голос, а выводы и заключения делают вообще неизвестно на каких основаниях. На основании прогноза погоды. Это называется мужской логикой.

Полинин брат слушал правильно. И слышал правильно. И правильно все понимал. Один раз только задал совершенно мужицкий вопрос:

– А почему Любочка у вас? Ведь это опасно, как я понял. И для нее, и для вас. И для других детей... Для Веры-Нади... и других. Ведь к вам не только Пулька ездит, я знаю. Тоська с Нюской тоже часто, да? А Любочка у вас! Ее же спрятать надо...

– Любочка не у нас, – спокойно сказала Наталья. Терпение, терпение и еще раз терпение. Он хорошо слушает, просто надо делать поправку на то, что все-таки мужик. – Любочка не может быть у нас, она сейчас в детском санатории. Я же вам только что рассказывала. Это абсолютно все знают. И в детском доме, и в больнице, и в милиции... Все! Как она может быть у нас, сами подумайте... К тому же это было бы противозаконно – укрывательство чужого ребенка без согласия его родителей... Ну, я не знаю, как это может звучать в суде. Киднепинг по-нашему. Представляете? И это повесят на главного свидетеля! Да этот подонок и с меньшими аргументами остался в стороне от гибели жены. А что Любочка заговорит – он не ожидал. А тут еще это наследство бабкино, этого он тоже не ожидал. У него всего четыре дня до

суда осталось, потом родительских прав лишат – и все, никакого дочкиного наследства ему уже не видать. Вот он и заметался. Понимаете? А вы говорите, что Любочка у нас. Это было бы просто недопустимо.

Полинин брат немножко похлопал глазами, подвигал бровями, пошевелил извилинами и задал следующий вопрос, на этот раз – вполне разумный:

– Но ведь все эти... ну, быки... они ведь сюда ездят! Они к вам ездят! Значит – ищут Любочку, да?

– Да никто Любочку не ищет, – успокоила его Наталья. – То есть, может быть, и ищут по больницам да санаториям, но там следы так запутаны, что и Моссад не найдет. Они ко мне ездят. Вы что, на самом деле думаете, что быки?.. Какие там быки, Любочкин отец не та фигура, чтобы быков держать. Он вообще никакая не фигура, так, алкаш безмозглый. Как о наследстве узнал – так подрядил придурков каких-то, чтобы меня пугать. Золотые горы пообещал, если суд выиграет... Ну и адвоката какого-то вонючего нашел, тот уже после придурков приезжал, о цене поговорить. Это он в бронезилете был, наверное, придурки его предупредили. Да нет, там ничего серьезного, так, театр абсурда. Наши менты... то есть омоньцы, друзья наши, все поузнавали как следует, всерьез опасаться там некого. Да и они постоянно следят... А что я так разговаривала... ну, про быков и вообще... это для убедительности. Им этот уровень как-то понятнее. И вообще это элемент игры. Серьезные мужские игры, свои правила, свой язык. Придурки. Действует совершенно безотказно, верят буквально на слово. Особенно если под прицелом.

Брат Полины опять похлопал глазами, пошевелил извилинами, кажется, все понял, но на всякий случай уточнил:

– Вы что, правда в них стреляли? И правда попадали?

– А как же иначе? – удивилась Наталья. – Конечно, стреляла. Основополагающий закон педагогики: пообещал – сделай. Не можешь сделать – не обещай... И попадала, почему бы и не попасть... Мишени довольно крупные, а я все-таки мастер спорта. Стыдно было бы не попасть, как вы считаете?

– Да, конечно, – пробормотал Полинин брат, ошеломленно глядя на нее. – Если мастер спорта – то почему бы и не попасть... Та к ведь это... уголовная ответственность, а? Покушение на убийство. Или убийство?..

Все-таки он был очень забавный, брат Полины. Тарашил глаза, голос понижал, даже оглянулся вокруг: нет ли где поблизости чужих ушей? И все его переживания были написаны у него на лице во-о-от такими буквами: что стреляла – это он принял как должное, но ведь уголовная ответственность! Покушение на убийство! А Полина может быть замешана! Конечно, она ни при чем, но даже если как свидетель... Ужас! А вдруг кто-нибудь узнает?!

Наталья не выдержала и засмеялась – сильно, до слез. Отсмеялась, вытерла глаза ладонями, полюбовалась его растерянной физиономией и объяснила:

– Я же солью стреляю. Какое убийство? Правда, предупреждаю: первый выстрел – солью, второй – бронебойным. Верят. Понятно?

– Понятно, – недовольно сказал брат Полины. – А как это вы меня с Любочкиным отцом могли перепутать?

– Вопрос по существу, – согласилась она. – Моя вина. Главное – и от близнецов сигнала опасности не было, и менты... э-э-э... омоньцы наши не объявились, могла бы догадаться, что не тот... Но я нервничала сильно, этот вонючий адвокат сказал, что сегодня Любочкин отец из больницы выходит и до суда – на свободе... Вот я и ждала. А какой он из себя – я не запомнила. Во-первых, он совершенно пьяный был, вообще ни на что не похож... подонок. А во-вторых, я тогда сильно не в себе была, думала – убью гадину, прямо вот голыми руками убью... Наверное, убила бы, но просто некогда было – Любочке срочно помощь нужна была, я испугалась сильно, вот и бросила его недобитым.

– И против вас ничего? Никаких обвинений?..

Опять он за Полину боится. Как бы та с уголовницей не связалась.

– Какие обвинения? – возмутилась Наталья. – Во-первых, я защищала ребенка, а во-вторых, он на меня напал! Необходимая самооборона. А что с лестницы свалился – так пьяный был. Подонки. Я ж говорила... Он мне две раны нанес. Режущие. Мог бы вообще зарезать. И что тогда с Любочкой было бы?

Для наглядности она оттянула вырез халата у горла и задрала подол, демонстрируя ему два тонких красных шрама – под ключицей и на бедре, – совсем свежие шрамы, еще даже шелушатся. И чешутся, заразы, как комариный укус. В общем-то и опасны они были не больше комариного укуса, но впечатление производили нужное – и на ментов, которые этого подонка увезли, и на свидетелей, которые появились потом, и на следователя того... На брата Полины эти шрамы тоже произвели впечатление. Вон как уставился. Опять на лице вся работа мысли отражается: а вдруг вот так, с ножом, на Полину бросятся? Раз уж вокруг такая страшная криминальная обстановка. Ладно, хватит его пугать.

– Только между нами, – доверительно сказала Наталья, и понизила голос, и оглянулась совсем так, как недавно он. – Это я сама порезалась. О стекло. Когда я на этого подонка кинулась, у него бутылка упала. Ну и разбилась, конечно. А я не обратила внимания, нервничала сильно. Вот и порезалась. Но в протоколе записано, что это он напал. Вы меня осуждаете?

– Мистификация? – нерешительно спросил брат Полины и протянул руку, чтобы потрогать ее шрам на бедре.

Наталья опомнилась, одернула подол, поправила ворот и почувствовала, как огнем запылали щеки. И что за напасть такая – обязательно краснеет в самый неподходящий момент!

– Какая мистификация?! – возмутилась она, очень надеясь, что ее румянец брат Полины воспримет как проявление справедливого негодования. – Настоящие боевые раны. До сих пор еще болят... – Она чуть не сказала «и чешутся», но вовремя спохватилась и со вздохом закончила: – ...И ноют. Пойдемте-ка чай пить. Девочки уже все приготовили. Пойдемте, пойдемте, не надо обманывать ожидания детей... Лишние пятнадцать минут отдыха ведь не нанесут непоправимого вреда вашему бизнесу? Ну вот. А дети рады будут. Вы им понравились. И Полина рада будет. Она вами гордится. Все время только о вас и говорит: брат то, брат се, он у меня такой, он у меня сякой...

Она болтала всякие глупости, потому что растерялась: он как-то уж очень пристально уставился на нее, рассматривал совершенно откровенно, серьезно, подробно и вроде бы с некоторым недоверием, а потом вдруг с тем же недоверием сказал:

– Тетя Наташа. Надо же... Вам сколько лет?

– Тридцать пять, – ответила она и на всякий случай опять надела черные очки и прилепила на нос бумажку. – Почти. А что такое?

– Мистификация, – повторил брат Полины, теперь уже без вопросительной интонации. – Чай... Ладно. Правда пить хочется. Надеюсь, лишние пятнадцать минут отдыха не разрушат мой бизнес до основания. Тем более что пятнадцати минут нам не хватит. Сколько вам надо времени, чтобы собраться?

– Куда собраться? – не поняла она.

– Ко мне, – нетерпеливо сказал брат Полины, поднимаясь с дивана и осторожно пробираясь сквозь розовые заросли во внешний мир. – К нам с Пулькой. Поживете всей семьей у нас до суда. Квартира у нас огромная, все поместится – и еще место останется. А то сколько можно в кустах с ружьем сидеть? Может, и правда все не так уж страшно, но мало ли... Алкаш – это уже опасно, а если еще и садист... Черт его знает, на что он еще способен, если уж так с собственным ребенком... Нет, лучше у нас. Безопасней. У меня друзья есть – любой ОМОН отдыхает. Служили вместе. На всякий случай позову на время. И Пулька из дому бегать не будет. В общем, собирайте быстренько все необходимое – и в путь. Все понятно?

Все понятно, что ж тут не понять. Он мужчина, он имеет право решать, он уже все решил, возражения не принимаются и женщина должна знать свое место. Терпение, терпение и еще раз терпение...

– Спасибо большое, – тепло поблагодарила Наталья, выбираясь за ним из розовых зарослей. – Это очень великодушное предложение! Я просто растрогана. Но уверяю вас, в бегстве нет никакой необходимости. Если бы действительно опасность – тогда конечно... Разве я решилась бы подвергать детей опасности? Боже упаси! А потом – это ведь наш дом, наша жизнь, устоявшийся быт, определенный режим, свои привычки... И вдруг всей толпой – в чужую квартиру! Как вы себе это представляете? Сразу все нужное собрать – это же просто невозможно... Даже если на несколько дней... И дом бросать нельзя. Он тут же придет в упадок. И огород тоже... Вон какой ливень был! Сейчас же сорняки попрут как сумасшедшие! За несколько дней они же все заглушат! Мы с ними потом ни за что не справимся! А у нас в этом году и кабачки, и помидоры, и огурцы очень удачные... А морковь! Морковь уже прореживать пора! Если сейчас запустить – какая морковь вырастет? Да никакая не вырастет! И что нам тогда зимой делать?.. Без моркови?.. И вообще без всего?.. В смысле – без овощей?..

Брат Полины вдруг остановился как вкопанный, она даже чуть не налетела на него. Что это он такой резкий? Принял новое решение? Например, не эвакуировать их из собственного дома, а поселиться у них и охранять Полину лично. Хотя это вряд ли – у него там бизнес какой-то, он человек занятой, ему в засаде сидеть некогда. Ну ладно, придется идти на крайние меры, ведь он действительно уверен, что Полине здесь угрожает опасность.

– А Полине я запрещаю сюда пока приезжать, – пообещала Наталья. – Она девочка послушная, она все поймет, дома пока посидит, ничего... А вы перестанете за нее волноваться. Правильно? Ну вот. Видите, как мы все хорошо решили!

– Это кто послушный? Это Пулька послушная? – недоверчиво спросил брат Полины. И смотрел на нее прямо-таки с подозрением.

И вот почему они думают, что любой их приказ все должны выполнять немедленно, очень точно, и при этом – с восторгом?.. Ни в коем случае не подвергая сомнению целесообразность этого приказа?.. И даже не интересуясь, с какой стати они вообще раздают приказы направо и налево?.. А если кто-то их приказы выслушивает без восторга – так тут же сразу и непослушная! Терпение, терпение и еще раз терпение. Наталья улыбнулась как можно ласковее и сказала фирменным детсадовским голосом, которым обычно разговаривала с бестолковыми родителями:

– Полина очень послушная. Она слушает всегда очень внимательно. Понимаете? И умеет понимать аргументы, сопоставлять и анализировать... И решения принимает правильные. Правда, есть одна проблема – она довольно внушаема. Иногда поддается постороннему влиянию. Но это еще и возраст... Я надеюсь, что она эту проблему перерастет. Главное – это чтобы девочка не выросла рабыней. Вы со мной согласны?

– Вы надо мной смеетесь. Из Пульки – рабыня? Смеетесь, – догадался брат Полины после минутного размышления.

Неужели правда догадался? Наталья присмотрелась к нему повнимательней... Ничего он не догадался. Просто не поверил – и все. Вообще-то правильно не поверил. Из Полины рабыня, как из нее, Натальи, – балерина. Но что не поверил – это нехорошо. И что это у них у всех за привычка такая – не верить женщинам?

– О-о, – сказала она серьезно и печально, и даже черные очки сняла, чтобы глядеть ему в глаза – для большей убедительности. – Поверьте моему огромному опыту... Вы даже представить себе не можете, что случается с детьми, волю которых постоянно подавляют... Пытаются сломать характер... Пресекают всякую инициативу... О-о-о!

Наталья, может быть, еще чего-нибудь вспомнила бы из той книжечки какого-то американца – кстати, совершенно дурацкой книжечки, бестолковой и претенциозной, автор, навер-

ное, живых детей только в кино видел... В американском кино, естественно, где дети общаются с привидениями, стреляют направо и налево из всех видов огнестрельного оружия, а потом перешагивают через трупы и радостно докладывают друг другу: «Й-й-йес! Мы это сделали!» Совершенно непонятно, зачем эту книжку перевели. Может, подумали, что это пародия? Но всяких страшненьких формулировок в книжке было много, и при необходимости Наталья их с удовольствием использовала. Как правило, на бестолковых родителей они производили впечатление. На брата Полины тоже произвели впечатление, только крайне негативное.

– Это я подавляю?! – возмутился он. – Это я ломаю характер и это... как его... пресекаю все?!

– Ну что вы, – успокаивающе сказала Наталья и даже доверительно коснулась его плеча. – Я же говорила о детях, которые живут в обстановке домашнего террора, в результате чего вырастают маньяками и убийцами... Или кем-нибудь еще хуже...

Она замолчала, сообразив, что немножко увлеклась: кто может быть хуже маньяка и убийцы? И пока брат Полины этого тоже не сообразил, быстро договорила:

– Полина совершенно нормальный ребенок! Здоровая, умная, веселая – сразу видно, что не испытывает никакого психологического давления, что ее любят и понимают, что у нее всегда есть свобода выбора. Правильно?

Он опять уставился на нее с подозрением – прямо в ее честные глаза своими подозрительными глазами, – напряженно пошевелил извилинами, наконец радостно озарился и кивнул головой:

– Правильно! Свобода выбора! Вот пусть Пулька сама и выбирает!

Повернулся и торопливо пошел к дому, даже почти побежал, Наталья за ним еле успевала. Интересно, что он еще такое задумал? Ведь задумал же! Что-то сильно хитрое... Кажется, она ничего такого неосторожного не сказала, что можно было бы перевернуть, переиначить, вывернуть наизнанку и направить против нее... Или сказала? Что-то уж очень он довольный. Ее огромный опыт подсказывал, что если мужик так доволен своим радостным озарением – это всегда чревато...

Прав был ее огромный опыт. Брат Полины сразу побежал за дом – надо же, как быстро сориентировался на местности! – остановился у табуретки, которую приготовили для него, подождал, пока подойдет и сядет на свое место Наталья, шикнул на Полину, чтобы не мельтешила и тоже сядила, наконец, уселся сам, выложил руки на стол и торжественно сказал:

– Итак, сударыни...

Даже не похвалил девочек, как красиво они стол накрыли. Скатерть постелили кремовую, а не клетчатую... И не чайник вскипятили, а самовар. А на самовар повесили связку сушек. Это, наверное, Полина придумала, умница. И варенье из банок в вазочки выложили. Это, конечно, Вера-Надя, они знают, где бабушкины вазочки хранятся. А посреди стола – букет поздних пионов из сада Анастасии Сергеевны. Огромный букет чуть розоватых, почти белых, растрепанных пионов в большой стеклянной квадратной банке из-под электролита, что ли... Господи, как красиво – чуть розоватые пионы в толстом зеленом стекле, грубом, неровном, с наплывами и пузырьками воздуха в глубине массивных граней. Это Любочка придумала, это она у нас главный дизайнер и флорист. А Наталья эту техническую банку – из-под электролита, что ли, – выкинуть хотела! В общем, небывалое количество красоты девочки натворили в честь дорогого гостя, а он даже не заметил ничего.

– Итак, сударыни, у нас с тетей Наташей возникли небольшие разногласия. Срочно требуется вмешательство компетентных арбитров. Состав арбитражного суда: одинокая Любовь, Вера-Надя, Пулька... то есть Полина. Председателем суда назначаю Полину. Как лицо, не имеющее личной заинтересованности, но имеющее неограниченную свободу выбора. Пулька, ты имеешь свободу выбора?

– Неограниченную? Хм... – Полина с сомнением глянула на брата, но он сделал многозначительное лицо, и она быстро согласилась: – Имею! Абсолютно неограниченную!

– Минуточку, минуточку, – затревожилась Наталья и даже ложечкой по чашке постукала. – Тимур Романович, какие у нас разногласия? Мы же с вами обо всем договорились, все решили... Зачем же детей втягивать? Это даже несерьезно.

– Пусть Бэтээр рассказывает, ладно, тетя Наташа? – неожиданно попросила Любочка, снисходительно и понимающе посматривая то на нее, то на Полининого брата.

Ай-я-яй. Кажется, решающий голос уже заранее отдан ему. Недоценила она Полининого брата. Наталья вздохнула, сделала обреченное лицо и сказала:

– Ну конечно, Любочка, пусть дядя Тимур рассказывает! Он же наш гость, правильно? А желание гостя – закон...

Вера-Надя одинаково глянули на нее, одинаково дрогнув бровью, Полина глянула на брата, с сомнением поджав губы, Любочка снисходительно и понимающе улыбнулась ей, загоразживая улыбку ладошкой от брата Полины. Все поняли ее предупреждение: мало ли чего сейчас гость наговорит... Его же не оборвешь, он гость. Но слишком серьезно относиться к его словам не следует. Один брат Полины ничего не понял, обрадовался, вскочил, перегнулся через угол стола, аккуратно снял Любочку с ее табуретки, сел, посадил девочку к себе на колени, чмокнул в стриженую макушку и горячо поблагодарил:

– Спасибо за поддержку, великодушная Любовь!

Наталья даже испугалась, когда он схватил Любочку.

Его же не предупредили, что девочку нельзя трогать. Даже Полина, Вера-Надя и сама Наталья брали Любочку на руки осторожно, все время помня, где у нее синяки и шрамы. Но и не в этом дело даже. Мужикам Любочку трогать было нельзя. Даже врачей-мужиков она и на шаг не подпускала. А этот схватил без предупреждения... Но Любочка, похоже, была совсем не против. Спокойно устроилась у него на коленях, откинулась спинкой ему на грудь и снисходительно сказала:

– Пожалуйста.

Брат Полины заулыбался, опять чмокнул Любочку в макушку и официально начал:

– Уважаемые судьи! Посмотрев на то, что здесь происходит, всего сорок...э-э-э... сорок две минуты, я пришел к выводу, что здесь происходит черт знает что... Прошу прощения. Здесь происходит то, что происходить не должно. Тетя Наташа сидит в засаде с ружьем и стреляет во всяких при...э-э-э... приходящих врагов, что, во-первых, отвлекает ее от забот по хозяйству, работы на огороде и ухода за детьми, а во-вторых, вконец растрепало ей нервы. Охранять семью от врагов с оружием в руках! Женское ли это дело, уважаемые судьи?

Наталья не выдержала и хмыкнула. И Вера-Надя хмыкнули, и Полина улыбнулась несколько презрительно. И даже Любочкина улыбка стала более снисходительной, чем обычно. Брат Полины сделал большую ошибку. О-о-очень большую. Мужское ли это дело – определять, какое дело является женским? Теперь уважаемые судьи ко всем последующим его аргументам будут относиться со здоровым скепсисом. Наталья успокоилась.

Рано успокоилась, как выяснилось буквально через минуту. Ох, недоценила она Полининого брата...

– Женское дело – это заботиться о слабых и несчастных! – проникновенно продолжал хитрый Полинин брат. – О брошенных и забытых! О тех, кто вплотную подошел к инфаркту миокарда, не спя...э-э-э... не смыкая глаз ночи напролет! Думая о том, где могут быть их сестры и какой опасности они подвергаются!

– Ты че, Бэтээр? – обиженно вскинулась Полина. – Я же извинилась!

– Пулька, я же тебя простил! – тем же проникновенным тоном ответил он. – Но сердце-то все равно болит. Ты же все равно сюда бегать будешь, правильно я понимаю? Ну вот. А я буду зарабатывать гипертонию и язву желудка... Или чего там от нервов бывает?... В общем

так. Пулька, я тебе не могу просто запретить ездить сюда. Хотя очень хочется. Но не могу, потому что это домашний терроризм. От него дети становятся маньяками и убийцами. Оно мне надо? В общем, Пулька, у тебя есть свобода выбора: или прямо сейчас все быстренько собираются, выключают свет, перекрывают газ, закрывают дом и едут к нам жить в покое и безопасности хотя бы до суда над этим... в общем, пока все не устаканится, – либо я в расцвете лет умираю от бесконечных волнений за единственную сестру, которой на меня, оказывается, наплевать. Дикси.

– Чего это дикси? – восторженно завопила Полина. – Чуть что – сразу дикси! Как будто кто-нибудь спорит! Бэтээр, ты молодец! Любочка, у тебя будет своя комната! С телевизором! У меня игрушек – море! И даже больше! Вера-Надя, у вас тоже своя комната! И компьютер! Тетя Наташа, а вам я свою комнату отдам! Она лучше всех! И еще туда белый диван поставим! Да, Бэтээр? А я в тетя Вариной буду, там тоже хорошо. Братик, я тебя люблю. Хочешь, я тебе кабачков нажарю? С луком и с перцем? И с морковкой? Хочешь? Меня тетя Наташа научила. Страшно вкусно.

Наталья растерялась. Видела она мастеров выворачивания и переименования, но тут было что-то совершенно невероятное. Полина счастлива... Просто до того счастлива, что никаких контраргументов наверняка не услышит. Вера-Надя посматривают на нее ожидающе, но совершенно очевидно, что ожидают они именно восторгов по поводу предстоящего переезда к Полине и ее брату. Любочка, безошибочный индикатор, повозилась у него на коленях, прижалась щекой к его груди и закрыла глаза. Уснула. На руках у мужика уснула. А он это тут же заметил, сделал Полине знак не шуметь и закрыл ладонью Любочкино лицо от солнца. Ну и как после этого излагать свои доводы? Между прочим, совершенно трезвые и логичные доводы, в отличие от некоторых. Нет, но как она могла так сильно ошибиться в оценке Полининого брата? Это потому, что он забавный. Всерьез не приняла. Ну, что ж теперь, будем работать над ошибками.

– Уважаемые судьи, может быть, кто-нибудь выслушает и другую сторону? – негромко сказала Наталья, глядя на большую мужскую руку, прикрывающую от солнца Любочкино лицо. – Я понимаю всеобщий восторг и ликование и готова была бы присоединиться... Но ведь это наш дом. Как же это – бросить свой дом? Все бросить – и уехать! В гости куда-то! И хоть трава не расти! Да, и трава тоже... Ведь огород зарастет весь, потом не спасем ничего... Столько труда – псу под хвост? А главное – чего бежать-то? Если бы действительно опасность – тогда конечно... А то так, шуты гороховые. Любочка все время у Анастасии Сергеевны, ей вообще ничего не грозит. И нам ничего не грозит. За нами менты присматривают. Они кого попало сюда не пустят. Они и тех, кого я... э-э-э... подсолила, не пустили бы. Но мне очень хотелось душу отвести. Девочки, вы меня простите, я понимаю, этого делать не следовало... Но ведь вы не боитесь, правда? Вы же знаете, что этих подсоленных менты сразу повязали? Они сюда уже не сунутся. И Любочкин отец не сунется. Зачем ему дополнительная статья? А сунется – его менты перехватят. Правильно? Ну вот. И зачем тогда из дому бежать? Я понимаю, Бэтэ... дядя Тимур за Полину тревожится. Та к у меня встречное предложение: до суда Полина не будет к нам приезжать и Анну с Антониной предупредит, что не надо. Вот и все. И никто не будет волноваться. А потом заживем как прежде. И даже лучше прежнего. А если хотите, я даже ружье в болоте утоплю. Я все сказала.

Вот как она все сказала – трезво и логично. А то что это за глупость – дом бросать!

Вера-Надя молчали, потому что понимали ее. Любочка молчала, потому что спала. Полина молчала, потому что напряженно что-то обдумывала. Наконец обдумала:

– Дом – это я понимаю, – очень серьезно заявила она. – Огород... наверное, тоже, но тут я не очень. А дом – это конечно. Я думаю, в доме надо близнецов оставить. А чего? Пусть пострегут. И в огороде чего надо сделают. Они ведь умеют, да? Тетя Наташа, вы ведь не против?

– Я против, – тихо, но очень решительно сказал Полинин брат. – Ехать надо всем. Как это близнецов оставлять? Как можно девочкам в доме одним оставаться?

– Близнецы – это мальчики, а не девочки. Есть тут такие по соседству, – заговорила было Наталья, но тут же поняла, что сделала ошибку, начав что-то объяснять. Вроде как уже сдает свои позиции. Спихватилась и принялась свои позиции укреплять: – Мальчиков в доме оставлять! Что они умеют, эти мальчики? Они тут нахозяйничают! Мальчики – на хозяйстве! Подумать страшно! Вернемся на остывшее пепелище... Мальчики! Лучше уж сразу Чингисхану сдать.

Вера-Надя задумались с озабоченными лицами – они были с ней согласны. И Полина задумалась с озабоченным лицом – тоже в принципе была с ней согласна. Но Наталья видела, что Полина все-таки ищет аргументы в пользу брата. Вот вам и отсутствие личной заинтересованности. Тоже мне, председатель суда. Ярко выраженный коррумпированный элемент. Похоже, нашла аргумент, сейчас чего-нибудь скажет.

– Вообще-то близнецы еще ничего, – нерешительно сказала Полина, вопросительно таращась то на Веру-Надю, то на Наталью. – Конечно, мужики и мужики, что с них взять. Но хоть не дебилы, да? А потом – им просто надо сказать, чтоб руками ничего не трогали. И бабушка Настя ими поруководит. И в огороде покажет, что надо делать, и вообще... И Бэтээр сможет проверять... Ты ведь сможешь, Бэтээр? Он сможет!

Что он сможет? Мужик! Когда они чего могли?... Но при девочке о брате такое говорить Наталья не могла и только беспомощно и сердито пробормотала:

– Без хозяев дом приходит в упадок.

Брат Полины оглянулся на дом, который с этой стороны выглядел немножко хуже, чем с улицы, поднял брови, похлопал глазами, но все-таки свои впечатления не озвучил, надо отдать ему должное. Посмотрел на всех по очереди, даже под свою ладонь в лицо Любочки заглянул, и поторопил, как будто все давно решено:

– Собирайтесь, сударьни, время теряем... Только самое необходимое, личные вещи. Для жизни у нас все есть. Да, Пулька? Но вот эту вазу с цветами я бы на вашем месте с собой захватил... Такая красота. И самовар тоже. Самовар у нас есть, но электрический. А этот – совсем другое дело. На балконе можно ставить. И мне бы с близнецами познакомиться. Что за мальчики? Где они сейчас? Быстро найти можно?

– Они в дозоре, – в один голос сказали Вера-Надя и подхватились из-за стола. – Сейчас позовем!

Они брызнули в разные стороны с такой скоростью, что Наталья даже остановить их не успела. Опять растерялась. Да что ж это она сегодня все время теряется? Это потому, что он про вазу с цветами сказал. И про самовар. Заметил все-таки. Она не ожидала... Полина тоже подхватила, принялась собирать посуду, выплескивая из чашек недопитый чай прямо в траву, подальше от стола, и все время что-то приговаривала, лъстиво заглядывая то в лицо брата, то в лицо Натальи. Нет, но как же это получилось, а? Надо немедленно все это прекратить. Немедленно. И построже.

– Так, – строго сказала Наталья и постучала ложечкой о чашку, пока Полина не вырвала их у нее из рук. – Почему меня здесь никто не слушает?

На коленях у Полининого брата завозилась Любочка, сладко зевнула, потерлась стриженной головой о его грудь, высунула личико из-под его ладони и сонно спросила:

– Мы скоро поедим? Мы уже сейчас поедим? Тетя Наташа, можно, я розовую шляпу возьму?

Наталья растерянно молчала, и тогда Любочка запрокинула голову, поулыбалась Полининому брату и спросила у него:

– Бэтээр, розовую шляпу можно?

– Конечно, – с готовностью ответил он и опять чмокнул Любочку, теперь в нос. – Хоть розовую, хоть голубую, хоть серо-буро-малиновую... Любую бери, если хочешь. Хотя зачем тебе? У Пульки всяких шляп осталось с твоего возраста сто штук. Или тысяча. Она их даже не все успела надеть, хотя бы по разу, – выросла. Тоже всякие шляпы очень любила. Та к что носи – не хочу...

– Нет, мне сто штук не надо, мне розовую, из цветов, чтобы в клумбе прятаться, – объяснила Любочка.

Брат Полины непонимающе глядел на нее минуту, потом протянул руку и потрогал плотные розовые шапки соцветий, лежащие на краю стола. Цветы зашуршали.

– Это Анастасия Сергеевна Любочке сделала, – тихо сказала Наталья, внимательно глядя на него. – Еще есть как бы из лопухов, тоже из накрахмаленной ткани. И еще платице есть, все из веточек... Как смородиновый куст, с двух шагов не отличишь. Любочка так может спрятаться – никто не найдет...

– Знаешь что? – Полинин брат отдернул руку от мертвых цветов, потер пальцы и зачем-то понюхал их. – Любовь моя прекрасная, зачем тебе какие-то шляпы? Ты и так красивая, без всяких шляп. А прятаться тебе больше не нужно будет. Никогда. Это я тебе гарантирую.

– Правда, что ли? – удивленно спросила она, заглядывая ему в лицо, и вдруг засияла, засветилась вся совершенно детской улыбкой, – никакого понимания и снисходительности, одна только радость, чистая радость без всяких примесей.

Черт с ним, решила Наталья. Все переврал, переиначил, вывернул наизнанку и направил против нее, но черт с ним. Ладно, эвакуируются они всем табором в его квартиру. Если по существу – то совершенно незачем. Но Любочке там спокойней будет, а это уже стоит того, чтобы родной дом на время бросить. Любочка и здесь в безопасности, но ведь она-то в это не верит, наверное, раз все время маскируется – то под куст, то под клумбу, то под лопухи... Наталья сначала думала, что Любочке нравится так играть. А этот Полинин брат, похоже, все сразу понял. Ох, как сильно она его недооценила-то!..

– Черт с вами, – буркнула она с досадой. – Переедем, что ж теперь поделаешь... Но все-таки признайтесь, что приемы вы используете нечестные.

Полина задумано пискнула, с грохотом поставила собранную посуду на стол и кинулась на Наталью, чуть не сбив ее вместе с табуреткой, восторженно и растроганно вереща:

– Тетя Наташа! Вы не пожалеете! Моя комната самая лучшая! И белый диван! А кухня – во!.. Как весь ваш дом! И парк рядом! И речка! Или в лес, если захотите! Нас Бэтээр отвезет! И две ванной! А лоджия десять метров! И еще балкон! Он готовить умеет, честное слово! И стирает сам! Вы не смотрите, что мужик, он совершенно нормальный! И не орет никогда, только на меня, а больше никогда! А в кухне кондиционер! Это я попросила, чтобы не жарко! Я его страшно люблю! И вы полюбите!

– Кондиционер полюблю? – удивилась Наталья, несколько оглушенная бурными проявлениями Полининого восторга.

– А? – Полина замолчала, выпустила ее из объятий и неуверенно сказала: – Ну да, и кондиционер тоже...

– Она хотела сказать, что вы меня полюбите, – невозмутимо уточнил Полинин брат и старательно оближал ложку. – Варенье тоже надо захватить, вот это, вишневое. Клубничное – как хотите, а вишневое – обязательно. И хорошо бы все, что есть. Есть еще вишневое в доме?

– В доме вишневого варенья еще тридцать шесть банок. Не считая позапрошлого, – мстительно сказала Наталья, чувствуя, что опять краснеет ни с того ни с сего. Ладно, пусть думает, что это опять от негодования. – Но мы все захватим, конечно, раз вы так настаиваете... А вон и близнецов ведут.

Он оглянулся, увидел парней, которых конвоировали к дому Вера-Надя, и замер с ложкой во рту, изумленно тараща глаза. Нагляделся, вынул ложку изо рта и недоверчиво спросил:

– А такие близнецы бывают?

Все-таки брат Полины был действительно очень забавный. Почти как сама Полина.

– Не бывают, – терпеливо ответила Наталья. – Они даже не родственники. Разве вы не видите? Один – цыган, другой – белорус. Близнецы – это для краткости. Потому что их зовут одинаково: Михаил Медведь. Понимаете?

– Конечно, – бодро уверил ее брат Полины. – Понимаю. Что ж тут непонятно?.. А кто из них кто?

Наталья опять захохотала – как тогда в розовых зарослях, когда он оглядывался и понижал голос, говоря об уголовной ответственности. И Полина захохотала, зажмуриваясь и хватаясь за живот. И даже Любочка потихоньку засмеялась, тоненько и неумело. Наталья так удивилась, что даже смеяться перестала. И тогда заметила, что брат Полины смотрит на нее как-то уж очень пристально, и глаза у него хитрые-хитрые... И весь он такой довольный-довольный...

Он заметил, что Наталья смотрит на него, быстренько сделал мужественное и волевое лицо и деловито скомандовал:

– Женщинам очень быстро собраться. Мужчинам остаться для серьезного разговора.

И Вера-Надя, Полина и Любочка послушно потопали в дом! Вот вам и свобода выбора. Неограниченная. Наталья усмехнулась как можно более саркастично – и тоже потопала в дом, на ходу спросив у близнецов:

– Кто-нибудь смотрит?

– Двойняшки, – отрапортовали близнецы хором. – Не которые черные, а которые Тройня.

Наталья кивнула и краем глаза заметила, как на лице Полининого брата сквозь мужественность и решительность проступают растерянность и изумление. То-то. Растерянный и изумленный он был гораздо забавней.

Ради справедливости надо отметить, что она и сама, наверное, выглядела не менее забавно, когда впервые услышала эту фамилию – Тройня. Двойня по фамилии Тройня. Кто угодно обалдеет. Вот и пусть не думает, что он все здесь узнал, все понял и всех обхитрил.

Хотя Наталья все время ощущала, что все-таки обхитрил. И как же ее угораздило так катастрофически ошибиться на его счет? Вот вам и огромный опыт... Это, наверное, потому, что он все-таки не совсем стандартный мужик. Он – мужик, который, по существу, один вырастил девочку. И конечно, за это время мог многому у нее научиться.

Глава 3

Любочка всегда просыпалась в пять утра. Бэтээр же не знал, что всегда, поэтому когда Любочка в первое же утро – в пять-ноль-ноль – тихонько притопала к нему в комнату и принялась осторожно будить, глядя его лицо маленькими горячими ладошками, он спросонья сначала просто испугался. Вдруг случилось чего-нибудь, или у нее что-то болит, или температура поднялась, или вообще неизвестно что... Он помнил, как Пулька, когда была примерно в Любочкином возрасте, одно время повадилась будить его посреди ночи, чтобы вместе помечтать о том, например, кем она станет, когда вырастет. Или поделиться впечатлением от мультика, который видела неделю назад. Или рассказать страшный сон, который, впрочем, ни разу рассказать не сумела – сразу забывала. Припрется посреди ночи, разбудит его – причем не как Любочка, а требовательно и грубо, – начнет что-то говорить – и тут же засыпает, прижавшись к его боку. А ему – терпеть и не шевелиться, чтобы опять ее не разбудить. Тетя Варя говорила, что это нормально, это с детьми бывает, особенно с девочками. Детям надо к кому-нибудь прислониться. Днем еще ничто, днем они делами заняты – играют, едят, на горшке сидят, гуляют, капризничают... А ночью растут, меняются, – и ощущают это, и их это тревожит, а почему тревожит – этого они не понимают, вот и стараются прислониться к кому-нибудь большому, уже выросшему, и успокоиться: вот ведь уже вырос – и ничего. Так, может, и со мной ничего... Если бы мать была – к матери прислонялась бы. Большинство детей прислоняется к своим мамам... Вот так тетя Варя объясняла бесцеремонное Пулькино поведение, и Бэтээр терпел, хоть в то время систематически не высыпался и уставал страшно, потому что это был первый год работы их с Васькой мастерской и последний год его института. Да еще тогда он с Лилькой познакомился, бегал за ней, как семиклассник, жениться мечтал... Пулька все его мечты с корнем вырвала в тот день, когда он привел Лильку знакомить с тетей Варей и Пулькой.

– Жениться будете? – спросила Пулька, строго разглядывая невесту брата с ног до головы, – точно так же, как разглядывала его в первую встречу. – А... Ну ладно. А когда вы детей народите? Сначала или когда женитесь?

Лилька, шарахнув дверь, бежала из его квартиры, как трепетная лань от голодного тигра, и он еле ее догнал. Лучше бы и не догонял. Трепетная лань, вся в красных пятнах, со слезами на глазах и с перекошенным от ярости лицом, залпом выдала все, что думает о нем, квашне и подкаблучнике, о его тете Варе, горбатой карлице, и особенно о Пульке, стерве малолетней, которая уже научилась сплетни собирать... Из всего этого Бэтээр сделал вывод: жениться на Лильке не надо. Повернулся и ушел. Лилька через месяц вышла замуж за какого-то приезжего, еще через пять месяцев родила сына – вполне здоровый ребенок, нормально доношенный, крупный и красивый, только чернокожий, – а потом с приезжим развелась, оставила сына у матери и уехала куда-то на заработки. Бэтэера долго мучил вопрос, откуда Пулька могла узнать, что Лилька ждет ребенка. Оказывается, она и не знала ничего, просто мечтала, чтобы у брата были дети, чтобы он переключился на них и отстал от нее со своим воспитанием, – вот и спросила. А Лилька решила, что ее расшифровали, и распахнулась до потери контроля над ситуацией. Бедолага. Лильку было жалко – Лилька симпатичная была. И себя было жалко – мечты порушились. А на Пульку он днем злился, а ночью просыпался от ее пинков и тычков, выслушивал ее сонное бормотание, а когда она наконец засыпала – боялся пошевелиться и при этом испытывал к ней благодарность. Наверное, не за то, что его мечты порушила, а за то, что прислонялась к нему. К тете Варе прислоняться нельзя было, тетя Варя уже болела сильно, слабенькая была, лежала все время и задыхалась, и Бэтээр запретил Пульке тревожить ее по ночам.

Любочка проснулась в пять утра – все-таки уже не ночь, ничего страшного. Бэтээр, ничего не зная о ее привычке, всполошился, но она тихо сказала:

– Тут очень много комнат. Я заблудилась. Можно, я с тобой побуду? Немножко...

В полумраке невыразительного облачного утра все ее синяки и шрамы выглядели особенно страшно, сливались в дикий узор, в нечеловечески жуткий узор, как же она выжила, одинокая Любовь... Смотреть на это было невозможно, и Бэтээр схватил с кресла свою вчерашнюю футболку, стал торопливо надевать ее на Любочку, бормоча что-то об открытом окне и холодном воздухе.

– Ну, что ты, Бэтээр, – тихо сказала Любочка, снисходительно улыбаясь. – Совсем не холодно. Когда я на балконе спала – тогда было холодно. Особенно если снег. Но меня Муся грела. Она очень теплая была. И большая...

– Муся – это кто? – спросил он, осторожно поднимая Любочку, укладывая ее рядом с собой и заворачивая в футболку как следует, а то эта футболка ей не просто до пят была, а сантиметров на двадцать длиннее.

– Муся – это моя кошка. Она тоже умерла, – совсем тихо сказала Любочка и тут же уснула.

А он лежал рядом, боясь пошевелиться, и думал о том, что было бы очень хорошо, если бы Любочкин отец все-таки пришел в дом тети Наташи. И пусть даже не один. Пусть даже со всеми своими придурками или настоящими быками, и с адвокатом своим вонючим... В доме тети Наташи уже не беззащитные женщины с охотничьими ружьями... В доме тети Наташи, и рядом с домом, и на подходе к дому – сильные и бесстрашные мужчины, целая армия, и все они получили четкие инструкции и хороший аванс. Два Медведя – это ведь не слишком серьезно, хоть и они молодцы. Соседские омовцы – это серьезно, и даже очень, он успел познакомиться и переговорить с ними, пока женщины собирали свое барахлишко. Омовцы задачу понимают правильно, и до сих пор все правильно делали, и, надо надеяться, с его четкими инструкциями и хорошим авансом будут делать все еще более правильно. Но главное – это Лешка, Олег и Костя. Когда он им все рассказал, и особенно когда они увидели Любочку, – они не просто согласились, они сами вызвались, он даже слова не успел сказать. И даже кое-чем его стратегию и тактику дополнили. Настоящие мужики, эти не подведут, на этих можно положиться. Константин даже отпуск за свой счет взял на неделю, чтобы пустяки от дела не отрывали. Это ведь говорит о чем-то?! И при таком раскладе будет просто обидно, если Любочкин отец не явится. Надо, чтобы явился. А если явится – тогда...

Бэтээр не успел додумать, что будет тогда, когда этот ублюдок явится в дом тети Наташи. Дверь дрогнула, стала медленно открываться, и в щель осторожно заглянула сама тетя Наташа. Лицо у нее было растерянное и встревоженное, а белые, почти как у Веры-Нади, волосы торчали в разные стороны. Она таращила глаза и кусала губы и, несмотря на отсутствие бумажки на носу и ружья на плече, была очень забавной. Бэтээр быстро зажмурился, из-под ресниц следя за развитием событий.

Тетя Наташа увидела Любочку, спящую рядом с ним, очень тихо, но очень испуганно сказала: «Ой», – распахнула дверь настежь и решительно шагнула в комнату, не отрывая взгляда от ребенка, протягивая руки и осторожно ступая босыми ногами.

Бэтээр открыл глаза и прижал палец к губам. Тетя Наташа остановилась на полушаге, распахнула глаза еще больше, сделала губы колечком и прижала одну руку к сердцу, другую все так же вытягивая вперед.

– Любочка заблудилась, – шепотом сказал Бэтээр. – Комнат много. Вот и забрела ко мне. С ней все в порядке, вы не беспокойтесь. Просто надо было к кому-нибудь прислониться... Пусть поспит.

Тетя Наташа отмерла, перевела дух, покивала встрепанной головой и пошла к его постели, опять протягивая руки вперед.

– Я так испугалась, – шептала она, осторожно подходя и наклоняясь через него к Любочке. – Просыпаюсь – а ее нет... Почему сегодня не пришла? Сейчас я ее заберу.

– Не надо. – Бэтээр перехватил ее руки и отвел их, краем сознания с удивлением отметив, что руки у нее не по-женски сильные. – Проснется... Лучше окно прикройте, а то я сразу не сообразил, а потом разбудить боялся.

Тетя Наташа выпрямилась, постояла над ним в нерешительности, потом кивнула, шагнула к окну и какое-то время тихо возилась там, прикрывая раму, разбираясь со шпингалетами и даже, кажется, зачем-то переставляя горшки с геранью. Справилась с окном, опять шагнула к постели и стала с чем-то возиться в кресле, стоящем рядом, что-то там брала и перекладывала, вешала на спинку другого кресла, рядом со столом, и оглаживала подушки сиденья ладонью. Бэтээр скосил глаза – тетя Наташа убирала его одежду, которую он всегда бросал вечером в это кресло, а утром либо опять надевал, либо совал в стиральную машину. Ну, бывало, конечно, что не каждое утро он это кресло освобождал полностью. Ну, бывало, что и пару дней там что-нибудь валялось. Но ведь не все же время, правда? Пулька, натываясь на какую-нибудь его майку или не дай бог несчастную пару носков в этом кресле, тут же начинала страшно орать. А один раз даже выбросила в окно совершенно новый галстук, два носовых платка, недочитанный детектив и почти полную пачку чипсов, которые он просто не успел доесть перед сном. Детектив – ладно, все равно ерунда какая-то была, он, может, его и так дочитывать не стал бы. А галстук и чипсы было жалко... А Пулька еще и орала, что не собирается жить в свинарнике и ему не позволит. А он тогда заорал, что хочет жить как ему удобно, а она вспомнила тетю Варю, разревелась и кинулась на него с кулаками. Вот после этого он и отволок ее к невропатологу, а тот сказал: нормальный ребенок. Бэтээр еще долго чувствовал себя виноватым перед Пулькой – за невропатолога, а не за барахло в кресле. Но барахло все-таки старался не разбрасывать. Или убирать, пока она не увидела, а то всегда орать начинает. Того и гляди – опять чего-нибудь в окно выбросит.

Тетя Наташа вынимала все из кресла без всяких признаков возмущения, спокойно, как-то привычно и даже вроде бы машинально. Штаны сложила по стрелкам, из карманов вынула мелочь, ключи и кошелек, бесшумно положила все на стол. Майку встряхнула и вывернула, сложила конвертиком – и тоже на стол. Носки – вот черт, опять в кресле оставил! – сунула в кроссовки, которые безошибочно нашла под креслом. Как будто так и надо. Бэтээру было неудобно перед этой тетей Наташей – подумает ведь, что он всегда такой неряха. А он не всегда... Но останавливать ее он не хотел. Ему страшно интересно было наблюдать за ней. Как она неторопливо двигается в полумраке, ни за что не цепляясь, ни на что не натываясь, ни обо что не стучаясь. Большая, гладкая... Наливная – вот как говорила тетя Варя о таких гладких, здоровых, красивых женщинах. Наливная, как спелое яблоко. Такая же плотная, душистая и румяная. И кожа тонкая, гладкая и чистая, как у спелого наливного яблока. И одновременно она была похожа на большую пушистую кошку, мягкую, плавную, ласковую, с круглыми честными глазами, чуткими ушами и стальными мышцами на всякий случай. Кошка, которая гуляет сама по себе и собирает вокруг себя котят, которые тоже сами по себе гуляют. И почему он целый месяц пропускал мимо ушей Пулькины ежедневные рассказы об этой тете Наташе?

Эта тетя Наташа, похоже, решила, что навела надлежащий порядок, удовлетворенно вздохнула и уселась в освобожденное кресло рядом с его постелью. Сложила руки на коленях – круглые, гладкие, чуть загорелые руки на круглых, гладких, чуть загорелых коленях – и замерла.

– Что вы? – удивленно шепнул Бэтээр. – Любочку со мной оставить боитесь? Никогда не поверю... Идите, досыпайте спокойно. Я в любом случае сам справлюсь, вы не беспокойтесь. Мне не привыкать.

– Я знаю, – шепнула она в ответ, низко наклоняясь к нему. – Я не боюсь, как вы могли подумать, бог с вами... Я подожду, когда она проснется, и унесу ее к себе. Вам же тоже поспать надо. Она уже скоро проснется, минут через пять.

– Откуда вы знаете? – шепнул Бэтээр совсем уже едва слышно, чтобы она наклонилась еще ниже.

Она наклонилась и зашептала ему почти в самое ухо:

– Каждый раз так. К пяти просыпается, несколько минут бродит, ищет, к кому прижаться, потом засыпает. Минут десять спит, потом опять просыпается. Убедится, что все в порядке, – и опять засыпает... Ее отец обычно часам к пяти утра очухивался и начинал опохмелку искать. Пока мать жива была, она Любочку из дома уносила – хоть куда, хоть к соседям, хоть на чердаке прятала... А когда погибла, Любочка сама научилась просыпаться и прятаться. Вот так до сих пор и не отвыкла.

Она замолчала, глядя поверх него на Любочку, и он молчал, глядя на нее сквозь полумрак, и думал, что хорошо бы поговорить с ней о чем-нибудь веселом. Поговорить очень долго, обстоятельно, вдумчиво, о чем-нибудь очень веселом, хорошем, или даже о чем-нибудь дурацком, врать что-нибудь дурацкое с умным лицом, и смотреть в ее круглые честные глаза, и слушать, как она врет что-нибудь дурацкое с честными глазами, а ямочки на ее пунцовых щеках выдают ее – то появляются, то исчезают, то появляются, то исчезают... По две ямочки с каждой стороны, особенно когда она краснеет как маков цвет, и в это время складывает полные, яркие, вырезные губы утиным клювиком. Пулька, когда была маленькая, точно так же складывала губы утиным клювиком, когда собиралась сказать что-то особо значительное. Необыкновенно забавно. Только Пулька всю жизнь если краснеет – то как вареный рак, а эта тетя Наташа – как маков цвет. Тоже забавно.

– А что это у вас на бумажке было написано? – вспомнил он еще один вопрос, который собирался ей задать еще там, в розовых зарослях.

– На какой бумажке? – удивленно шепнула она почти у самого его уха.

– Которая на носу была. Там было написано «хрен-тире-двойка-с». Что это значит?

Она отодвинулась от него, удивленно потаращилась, повспоминала, потрогала пальцем нос и обрадовалась, вспомнив:

– А! Это, наверное, я от рецепта кусок оторвала. Мне одна родительница посоветовала хорошее средство от кашля у детей. Хрен, мед, соль, растительное масло... Что-то еще, не помню. Хрен – две столовые ложки, это точно. Компресс. Только надо спинку сначала вазелином смазать или марлей закрыть, а то раздражение будет. Хороший рецепт. Я потом его весь найду и для вас перепишу, на всякий случай. Если кашель будет – вы попробуйте, очень советую.

– Спасибо, – шепнул Бэтээр. – Я обязательно попробую, если кашель будет.

Кажется, кашель у него будет прямо сейчас. Ему невыносимо хотелось смеяться.

Любочка шевельнулась у него под боком, он осторожно повернул голову, глянул ей в лицо – глаза у нее были открыты.

– Бэтээр, ты хорошо пахнешь, – тихо сказала Любочка, помолчав и поглядев ему в лицо. – Очень хорошо.

– Чем? – с любопытством спросил он. У него даже дезодоранта никакого не было.

– С собой, – подумав, ответила Любочка, завозилась, высвобождаясь из его футболки, и стала неловко подниматься. – Тетя Наташа, извините меня, пожалуйста... Я заблудилась, а вы опять не спите из-за меня. Вот ведь беда какая...

– Какая такая беда? Никакой беды, что ты говоришь такое, Любочка?... Я не сплю, потому что по тебе соскучилась... Где же, думаю, Любовь моя ходит? Пойду-ка, думаю, поищу ее в этих царских хоромах... А она вот где! Спит себе спокойненько! Забыла про меня, бедную, несчастную и одинокую!.. Ну, иди ко мне... Та к босиком и ходила? Ладно, ничего, полы здесь теплые, ковры здесь мягкие, окна здесь закрытые, кондиционеры здесь выключенные...

Она приговаривала что-то тихонько, и это было похоже на колыбельную, и все движения ее были похожи на колыбельную, когда она брала Любочку из рук Бэтэара, и как-то очень

ловко, правильно и уютно устраивала ее у себя на руках, и поднималась из кресла – плавно и сильно, как большая пушистая кошка, и направлялась к двери с Любочкой на руках, целеустремленно, осторожно и не оглядываясь, как большая пушистая кошка, уносящая своего котенка в гнездо. Или в нору. В общем, к себе домой, в тепло, покой и безопасность. И все время что-то мурлыкала на ходу, все время мурлыкала, чтобы ее котенок даже сквозь сон слышал, что она здесь, рядом, согревает и сторожит, так что можно еще поспать... Мурлыканье смолкло, Бэтээр спохватился, вскочил и открыл перед ней дверь, а когда она выходила, не удержался и сказал:

– У вас очень красивая ночная рубашка.

– У вас тоже, – вежливо ответила она и вышла, опять потихоньку замурлыкав в коридоре и укачивая Любочку на руках.

Бэтээр постоял в дверях, посмотрел немножко ей вслед – она не оглянулась. Но он мог бы поспорить на свою часть их с Васькой нового представительского джипа, что щеки ее сейчас полыхают как маков цвет.

Вот такое интересное оказалось первое утро его новой жизни, в которой в одночасье появилось очень много новых людей, очень много новых забот, очень много новых вещей, привычек, слов, песен, криков и смеха. И невероятное количество банок с вареньем. Очень много всего нового появилось в их с Пулькой огромной квартире, и квартира сразу оказалась не такой уж огромной. Это стало заметно в первый же день его новой жизни. Первый день был тоже очень интересным.

Он все-таки уснул, когда эта наливная яблочная кошка унесла от него Любочку, и проспал почти до семи часов, а когда проснулся – по привычке заторопился, прикидывая в уме, что бы такое приготовить побыстрее, но чтобы съедобное. Чтобы и время на ерунду не тратить – и чтобы Пулька потом над его кулинарными способностями не смеялась. Тетя Варя всегда готовила сама, потому что мужчин должны кормить женщины. А его учила готовить, потому что детей должны кормить старшие. Тетя Варя старалась научить его всему необходимому до того, как ее не будет. Потому что если ничего не умеешь, то с ребенком очень трудно. Он многому научился, но разве от этого с Пулькой было легко? Одно то, что она постоянно издевалась над его кашами и макаронами по-флотски... И время от времени вспоминала тетя Варины беляши и гуся с капустой... Бессовестный ребенок. Помнила бы чего, она ж тогда совсем маленькая была. А вот наварит-ка он сейчас овсянки, чтобы знала, морда ленивая, как дрыхнуть до полудня, да еще и ждать, чтобы ей в клюв беляш сунули...

Заранее раздражаясь от необходимости выполнять собственное дурацкое решение – овсянку он и сам не любил – и на ходу натягивая футболку, из которой наливная яблочная кошка вынула Любочку перед тем, как унести, Бэтээр заторопился в кухню.

И тут его ждал первый удар. В кухне плавали, плескались, струились и резвились запахи. Много запахов, не овсянка какая-нибудь. И булькали, шкворчали, хрустели и шипели звуки. Много звуков, и все негромкие, уютные, вкусные, как-то очень соответствующие этим запахам, вплетающиеся в них и дополняющие их, и все вместе это вызывало ощущение праздника. Более того – посреди этой праздничной симфонии жили ее творцы, композиторы и дирижеры – эта яблочная кошка и его Пулька. Обе что-то ловко и почти бесшумно делали, резали, размешивали, добавляли, солили, переворачивали, смотрели на свет и пробовали на вкус, переглядывались, кивали друг другу, передавали друг другу ложки и ножи, забирали друг у друга прихватки и полотенца... Похоже, эта симфония была хорошо отрепетирована и исполнялась уже далеко не в первый раз.

Пулька заметила его первой, и выражение его лица заметила, постаралась скрыть просто распирающую ее гордость и сказала так, как будто ничего особенного не происходит:

– Бэтээр, извини, у нас еще не совсем готово. Еще минут пять – и позовем. Да, тетя Наташа?

Эта тетя Наташа обернулась от стола, приветливо посмотрела на него и тоже сказала так, как будто ничего особенного не происходит:

– Доброе утро. Выспались? Вот и хорошо... Да, минут пять еще... Вы как раз успеете умыться, побриться, одеться... Не торопитесь, собирайтесь спокойно, если задержитесь – мы вас подождем.

И Бэтээр тут же понял, что задерживаться не следует. Что задерживаться – это просто неприлично. Да ему и не хотелось задерживаться. Ему сразу очень сильно захотелось умыться, побриться, а главное – одеться. А то они обе вон и в платяницах, и в фартуках, и в одинаково повязанных белых косынках, а он в трусах и в мятой футболке. Немытый и небритый.

– Я сейчас, – с энтузиазмом сказал Бэтээр, стараясь одернуть футболку пониже, потому что трусы у него были саатиновые, клетчатые и широкие – в общем, ничего хорошего, прошлый век. – Пять минут – это я уложусь. С добрым утром.

Он, пятясь, выбрался из кухни, из ее запахов и звуков, прикрыл дверь и торопливо пошлепал в ванную, прикидывая по пути, в чем теперь выходить по утрам из своей комнаты. Во всяком случае – в каких-нибудь штанах. Не так много у него штанов, чтобы дома их затаскивать... В спортивном костюме? Один спортивный костюм он угваздал на работе, когда пришлось подключаться к тому очень выгодному, но очень срочному заказу. Другой спортивный костюм он ни разу не надевал, и не собирался надевать, и до сих пор не понимал, как мог позволить Пульке уговорить себя купить белый спортивный костюм. Белый! Это при его-то образе жизни! Допустим, образ жизни на данном этапе изменился, так что можно было бы и белый надеть. Но он к тому же еще и зимний. Ладно, пусть полежит до зимы... Еще халат есть. Роскошный велюровый домашний халат, аристократичный, как королевский лимузин, и примерно такой же тяжелый. Этот халат Васька ему подарил на тридцатилетие и с намеком на предстоящую семейную жизнь. Васька тогда еще не знал, что как раз накануне третья гипотетическая жена сбежала от Бэтэера в красных пятнах, в слезах и в ярости, крича на ходу, что его сестру надо было утопить еще при рождении. А Пулька всего-то и спросила, почему нынче пластические операции. И опять ничего такого не имела в виду, просто тогда она была очень недовольна своей внешностью и мечтала о другом носе. Или о других ушах? Бэтээр уже забыл. Надо с Пулькой посоветоваться, в чем ему выходить утром из своей комнаты, не в этом же королевском лимузине, в самом-то деле. В нем до ванной дойти – и то семь потов сойдет.

И тут его ждал второй удар. Дверь его ванной распахнулась ему навстречу, и из нее выскользила Вера – или Надя, – одетая только в полотенце и в распущенные шалашом волосы.

– Дядя Тимур, – испуганно сказала она, с опаской оглядываясь назад. – Она не такая! Вечером она совсем другая была!

В ее голосе слышалась почти паника, и Бэтээр тоже чего-то испугался.

– Что случилось? – всполошился он. – Кто там не такой? Какая не такая?

– Ванная не такая! – трагическим голосом сказала Вера – или Надя – и нервно затянула полотенце вокруг себя потуже. – Вчера розовая была! А сегодня серая и в пятнах! Дядя Тимур, у меня дальтонизм, да?

– Нет, – сердито сказал Бэтээр, стесняясь своего внезапного испуга. – Ванная другая. Эта – моя, розовая – Пулькина. За угол налево, потом по коридору, потом прямо до перекрестка и за угол направо. Там найдешь, там всего три двери.

– Не дальтонизм! – обрадовалась Вера – или Надя, – повернулась и шустро побежала искать Пулькину ванную.

Бэтээр еще добриться не успел, как дверь ванной распахнулась и на пороге нарисовалась та же Вера – или Надя, – обернутая в то же полотенце и укрытая тем же шалашом распущенных волос.

– Она не такая! – с ужасом сказала Вера – или Надя, – обводя стены взглядом и не обращающая внимания на Бэтэера. – Вечером она совсем другая была! У меня дальтонизм!

– Это моя ванная, – скороговоркой объяснил Бэтээр, не отрываясь от бритвы. – Пулькина за углом налево, по коридору прямо, потом за угол направо, там всего три двери, найдешь.

– Не дальтонизм! – обрадовалась она и исчезла.

Неужели правда бывают такие одинаковые? Во всем, от внешности до одинаковых слов в случайной ситуации... До ссадины на той же коленке... До того же скола на том же зубе... Окружающие медленно, но верно сходят с ума. И даже не сказать, чтобы уж очень медленно. Или вот сейчас они его все-таки разыграли? Голову морочат, как пытались заморочить голову своей тете Наташе там, рядом с домом номер двенадцать? Вот интересно – как эта тетя Наташа их все-таки различает? Надо потом спросить...

Он уложился в отведенные ему пять минут и вошел в кухню вымытый, выбритый и одетый, очень гордясь собой и втайне ожидая, что вот сейчас ему скажут, что немножко не успели, еще каких-нибудь пять минут – и все будет готово, так что пусть он пока пойдет и почистит ботинки, помоем пол и починит телевизор.

И здесь его настиг третий удар. В кухне царили тишина, покой и порядок, а за выдвинутым на середину большим рабочим столом, сейчас накрытым незнакомой ему клетчатой скатертью, сидели уже все – с таким видом, будто ждут его как минимум со вчерашнего вечера, причем ждут смиренно, покорно, без раздражения, но и без особой надежды, что когда-нибудь дождутся.

– Доброе утро, – растерянно сказал Бэтээр, глядя на большой ратрепанный букет пионов в прямоугольной вазе зеленого стекла, стоящей в центре почти по-праздничному сервированного стола. – Я опоздал, да?

– Доброе утро, – радостно мурлыкнули котята хором.

А наливная яблочная кошка уставилась на него круглыми честными глазами и объяснила:

– Вы не опоздали, это мы поторопились, чтобы вас нечаянно не задержать. Вам же сейчас на работу, опаздывать же нельзя, ну вот мы и постарались... Нам-то какая разница, когда завтракать? Мы-то все безработные, мы все сейчас бездельничаем, мы в отпусках и на каникулах... Правильно?

– И в санаториях, – подсказала Любочка, выглядывая из-за букета пионов и понимающе и снисходительно улыбаясь.

– Ну да, – недоверчиво откликнулся Бэтээр, садясь за стол и с интересом наблюдая, как Пулька и Вера-Надя тут же принялись привычно и умело хозяйничать, раскладывая по тарелкам что-то разное, изобильное, красивое и праздничное. – И во сколько же вы встаете по утрам, безработные бездельницы?

– Когда как, – с готовностью ответила тетя Наташа. – Как просыпаемся – так и встаем. Когда погода хорошая – тогда, конечно, пораньше. А если дождь, или даже просто пасмурно, вот как сегодня, – тогда долго спим. Особенно зимой, зимой иногда даже почти до семи. Правда, по летнему времени... Но все равно...

Бэтээр очень гордился своей способностью вставать рано. Надо не надо, но в семь – как штык. И успевал поднять Пульку, накормить ее, проводить в школу, а потом сам на работу собирался. Все успевал, потому что умел вставать рано, аж в семь часов. А эти, выходит, долго сегодня спали, потому что погода пасмурная. Спали долго, а завтрак приготовили к семи. Он подозрительно пригляделся к яблочной кошке, которая смотрела честными глазами, склоняла голову к плечу и складывала губы утиным клювиком, собираясь сказать что-то особо значительное.

– Вообще-то мы можем изменить наш режим в соответствии с вашими привычками, – деловито предложила яблочная кошка, показала на миг ямочки на щеках и склонила голову на другое плечо. – Мы и пораньше можем вставать, и готовить, например, к шести... Вы ведь человек деловой, вам время терять нельзя.

– Не, к шести не надо! – Бэтээр сделал испуганное лицо и даже вилкой помахал. – Завтракать в шесть! Это что же – к семи уже на работу?! И что я буду один там делать? До девяти часов? Нет, лучше завтрак в восемь и... что-нибудь попроще, не такое вкусное. А то я так растолстею, с такой кормежкой... Сроду такого не ел. Как это называется?

– Не знаю, – сказала яблочная кошка и опять на миг показала ямочки на щеках. – Это Полина приготовила. Мы название еще не придумали.

Это был еще один удар. Прямо под дых. Пулька, оказывается, вон чего умеет, а он и не догадывался. А они все делают вид, что и ничего особенного. А сами ждут, как он удивится, родной брат, который о родной сестре даже таких простых вещей не знает, и что он сейчас скажет...

– Я так и думал, – с удовлетворением сказал Бэтээр, краем глаза заметив, что Пулька покраснела. Как вареный рак. – У моей сестры Полины, чтоб вы знали, необыкновенный талант в этом деле. Другие таланты тоже есть, но в этом – необыкновенный.

– Обедать сегодня приезжай, – приказала важная до невозможности Пулька. – На обед я правда что-нибудь вкусное сделаю. Дядю Васю тоже привози, а то он вечно всухомятку. К часу... К тринадцати ноль-ноль.

– Есть! – Бэтээр козырнул вилкой и сделал военное лицо. – Слушаюсь, мой генерал! Дядя Вася будет счастлив. А сейчас мне быстренько дадут чайку с вишневым вареньем, и я буду готов работать грубой физической силой в течение... например, тридцати пяти минут. Или даже сорока. Времени у меня сегодня утром оказалось много, спасибо вам за это большое, и я могу его с чистой совестью потратить на благоустройство наших гостей. Вы же вчера не все разложили, передвинули и переставили, правильно я понимаю? Ну вот, полчаса можете командовать мной как новобранцем.

– Сорок минут, – тут же обнаглела Пулька. – Ты сам сказал.

– Нет-нет, что вы, мы сами справимся, – торопливо сказала яблочная кошка и, наверное, сделала какой-то знак Пульке, потому что та сразу согласно закивала. – Мы все сами, вы не беспокойтесь. Нам и раскладывать особо нечего. Только вот Любочку надо бы ко мне переселить. Диванчик ее... Вы не против? Мы сами перенесем, вам совершенно незачем время терять! И диванчик легкий совсем.

Бэтээр строго посмотрел в ее честные глаза, сделал суровое и мужественное лицо, постучал пальцем по столу и почти прикрикнул:

– Это не женское дело – таскать мебель! Женское дело – это умело и тактично руководить мужчинами, которые все равно ничего больше не умеют! Кроме как таскать!.. Хотя вообще-то никакой необходимости в этом нет. В шкафу Пулькина кровать стоит, разобранная. Она из нее лет пять как выросла. Хорошая кровать, очень удобная, новая совсем. Пулька на ней, кажется, недели две и спала-то всего, а потом выросла. Как вам этот вариант? Собрать – раз плюнуть. Ну, руководите уже скорей, время-то идет.

И эта яблочная кошка наконец-то засмеялась. И котята ее засмеялись хором, и Любочка потихоньку засмеялась, выбралась из-за стола, потопала к нему, деловито полезла на колени, устроилась, запрокинула личико и с надеждой спросила:

– А ты меня на шее покатаешь? Как Полю. Она мне рассказывала, что ты ее все время на шее катал, когда она была маленькая.

– А как же, – согласился Бэтээр, не удержался и тронул губами ее заплывшую уже желтеющим синяком переносицу. – Зачем же у мужиков шеи? Только затем, чтобы на них женщины ездили...

И опять весь кошачий прайд захохотал, а Любочка потянулась к нему, обняла за шею тоненькими своими ручками и очень серьезно сказала:

– Бэтээр, ты тоже у меня есть. Ладно?

И прижалась личиком к его щеке, замерла так на пару секунд, отодвинулась и на случай, если кто-то не понял, объяснила:

– Это я тебя поцеловала.

– Спасибо, – растроганно поблагодарил он. – Ты бы знала, как давно меня никто не целовал...

Он же не думал, что его нечаянные слова будут иметь далеко идущие последствия.

За полчаса он под активным руководством Пульки, Веры-Нади и Любочки вынул из стенного шкафа, распаковал из пленки и собрал детскую кровать – действительно совершенно новую и очень удобную, он правильно помнил. И установил ее в комнате, в которой поселилась тетя Наташа – бывшей тети Вариной, самой маленькой, но зато с балконом. Пулькину комнату тетя Наташа занимать не захотела категорически. Под вздорным предлогом, что незачем Пульке свои вещи туда-сюда таскать. Хотя невооруженным глазом видно, что Пулькины вещи таскать туда-сюда и незачем, они и так везде. Бэтээр собирал кровать, делал послушное лицо на руководящие указания девочек, а сам все время пытался услышать, о чем там говорит тетя Наташа по телефону. Очень деловым голосом. С кем это можно говорить деловым голосом в восемь утра? И к тому же – в отпуске?.. Сначала ей позвонили на сотовый, и он страшно удивился, что у нее есть сотовый, да еще такой навороченный – несколько воспитательских зарплат. Мало того – она и говорила по нему, совершенно не вспоминая о времени. Долго слушала, потом о чем-то подробно выпрашивала, потом опять долго слушала, а потом сказала, что все узнает и перезвонит. И собралась сама кому-то звонить – по сотовому же. Бэтээр не выдержал и пресек это безобразие.

– Женщины! – сказал он ворчливо. – Никакого понятия об экономии. Как дорвутся до телефона – так и ну деньги на ветер бросать. Вон же на тумбочке нормальный телефон, хоть обзвонитесь. И все задарма.

– А? Ой, вот спасибо, – обрадовалась яблочная кошка и сунула свой сотовый за пазуху. А он думал, что это у нее на шее амулет какой-нибудь на веревочке, или, может, крестик. – Вы знаете, мне действительно много говорить сегодня придется. Входящие – пусть, а если самой звонить – это очень дорого... А можно номер вашего телефона нескольким родителям дать?

– Вашим родителям? – заинтересовался он. – А почему – нескольким?

– Не моим родителям, а родителям моих детей.

– И много у вас детей? – ошеломленно спросил он, представляя шеренгу отцов-одиночек, воспитывающих ее детей.

– Сейчас или вообще? – уточнила она.

Но тут Любочка потребовала завершения монтажных работ, а то уже пора на шее кататься, и он пошел докручивать болты и затягивать гайки. Вот и не мог ничего услышать, с кем там и о чем беспрерывно говорит по телефону эта тетя Наташа. Болтает и болтает. Женщины...

А перед уходом он немножко покатал Любочку на шее, и она опять прижалась личиком к его щеке – поцеловала на прощание. И Вера-Надя, вышедшие в прихожую провожать его на работу, совершенно неожиданно одновременно чмокнули его в щеки с двух сторон. И Пулька чмокнула, но перед этим успела прошипеть прямо в ухо:

– Деньги давай.

Он уже хотел возмутиться – она же вчера у него две сотни вынула! Жжет она их, что ли? – но тут же сообразил, что Пульке нужно на хозяйство. В доме-то гости. Черт, как же он раньше не подумал, неудобно даже.

Бэтээр вытаращил глаза, хлопнул себя ладонью по лбу и испуганно сказал:

– Пулька! Ты была права – у меня склероз. На хозяйство-то я тебе вчера не оставил. А ты не напомнила.

Вытащил из кошелька две тысячные бумажки и небрежно сунул их Пульке в руку. Как будто так и надо. И эта бесстыжая морда сцапала их, как будто так и надо. И опять быстро чмокнула его в щеку. И тогда он тоже чмокнул ее в щеку, но перед этим успел шепнуть в ухо:
– Не на ерунду.

И собрался уходить, но тут Вера-Надя подлезли со своими щеками, подставив их совершенно одинаково, и он чмокнул и эти две одинаковые щеки. И Любочка, сидящая уже на руках у яблочной кошки, потянулась к нему и подставила для поцелуя свою худенькую щечку в синезелтых разводах, и он чмокнул и Любочкину щечку тоже. А поскольку гладкая и румяная щека яблочной кошки оказалась совсем рядом, он чмокнул заодно и ее. Прямо в то место, где все время возникают и пропадают две ямочки. Особенно когда она краснеет как маков цвет. Во, возникли. А круглые честные глаза стали еще круглее и еще честнее. Ой, ну до чего ж забавная...

– До свидания, женщины, – строго сказал он. – Ждать меня верно и преданно. Со спичками не баловаться. Двери террористам, эксклюзивным дистрибьюторам и свидетелям Иеговы не открывать. Вишневое варенье экономить. Варить обед и вести себя прилично. Задания всем ясны? Выполняйте.

– Ну, ты вообще, – проворчала Пулька недовольным голосом, но сияя глазами, и закрыла за ним дверь.

За дверью хором засмеялись, и Вера-Надя в один голос восторженно мурлыкнули:

– Дядя Тимур классный! Да, тетя Наташа?

Мнения тети Наташи он, к сожалению, не услышал.

И до самого обеда все время об этом думал.

...Васька действительно обрадовался приглашению на обед – не так из-за самого обеда, как из-за возможности поглядеть на эту тетю Наташу со всем ее выводком. Бэтээр вчера вечером кое-что рассказал ему по телефону, Васька ничего не понял и поэтому был заинтригован. А сегодня на работе разговоры разговаривать было особо некогда, и Бэтээр вчерашний свой рассказ уже в машине по дороге домой дополнил кое-какими подробностями. Например, про охотничье ружье и про шрамы на ноге и под ключицей у тети Наташи. И про отца Любочки рассказал, и насчет самой Любочки предупредил, чтобы поосторожней. А то Васька мужик нормальный, но очень уж шумный. И бесцеремонный, хотя сам думает, что это он просто такой откровенный.

Васька подробности выслушал, обдумал и сделал предварительный вывод:

– А ведь классная тетка! Не хотел бы я с ней встретиться на узенькой дорожке.

Бэтээр промолчал, а про себя подумал, что Васька просто не знает, о чем говорит. Сам Бэтээр с наливной яблочной кошкой на узенькой дорожке встретиться хотел бы. Да. Именно на узенькой. Над пропастью, например. Чтобы невозможно было и шагу в сторону... А поворачивать назад и бежать она не умеет. Стало быть – не сбежит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.